

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ЛЕНИНГРАДЕЦ

АЛЕКСАНДР БЕРГ

Военная боевая фантастика

Александр Берг

Ленинградец

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Берг А.

Ленинградец / А. Берг — «Издательство АСТ»,
2021 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-147380-8

Пожилой ветеран умирает в 2014 году, но его сознание возвращается в него самого на 77 лет назад, в теперь уже такой далекий 1937 год. У него появился шанс прожить свою жизнь заново, вот только как? Можно просто тупо ее повторить, не делая никаких попыток изменить ход времени и судьбы, а можно попробовать все кардинально изменить. Можно попробовать спасти свою большую семью, из которой во время блокады Ленинграда выжили только он и его двоюродная сестра. Шанс изменить историю войны и спасти почти миллион погибших во время блокады от голода, холода, авианалетов и обстрелов ленинградцев. Может ли обычный человек это сделать? Вы скажете, что нет. А если он танкостроитель, который всю свою жизнь проектировал и строил танки? Что будет, если летом 1941 года хваленое немецкое панцераффе столкнется в жарких июньских и августовских боях с армадой новейших ЛТ-1 (Т-50), Т-28М, Т-34М и КВ-1М при поддержке пехотной СУ-76, противотанковой СУ-85 и штурмовыми СУ-122 и СУ-152, а также различными зенитными ЗСУ и бронетранспортерами?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-147380-8

© Берг А., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Александр Берг	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Берг Ленинградец

© Александр Берг, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Ведь мы же с тобой ленинградцы,
Мы знаем, что значит война.
Мы знали отчаянья смелость
В блокадных ночах без огня,
А главное, очень хотелось
Дожить до победного дня.
Нам с этим вовек не расстаться,
В нас подвигу память верна...
Ведь мы же с тобой ленинградцы,
Мы знаем, что значит война.
М. Дахие. Ведь мы же с тобой ленинградцы

Пролог

21 июля 2014 года, Санкт-Петербург

Много ли надо в жизни старику – только удобное кресло и телевизор. А что еще делать, когда ты уже еле-еле ходишь по собственной квартире. Дети давно разлетелись, повзрослев, а жена умерла десять лет назад, да и сам ты скрипишь уже из последних сил. Единственная отрада – когда дети привозят внуков, и эти башибузуки носятся по квартире. Вот только надолго их у меня не оставляют, да и мне уже стало тяжело с ними возиться: возраст, будь он неладен, берет свое.

Я как раз смотрел выпуск новостей об Украине, когда показали кадры обстрела укрово-яками жилых кварталов Донецка. Я смотрел и не мог поверить, что такое может случиться в наше время и почти в нашей стране. Уроды. Я смотрел на кадры обстрела, а в груди нарастало напряжение, перешедшее в жжение. Появилась боль в плечах и спине, закружилась голова, а потом сдавило сердце. Трясущимися руками я потянулся к таблеткам и стакану с водой, которые всегда стояли рядом с моим креслом на журнальном столике, но дотянуться не успел. Последнее, что мне запомнилось, прежде чем я погрузился в темноту, – это как я неловко начал заваливаться на журнальный столик.

Глава 1

18 июля 1937 года, Ленинград

Я проснулся оттого, что мне в глаз светил луч солнца, который пробивался через щель в неплотно задернутых шторах, которыми было занавешено окно комнаты. Не понял... В глаза бросилась не моя квартира и не больничная палата, где я по идее должен был очнуться, а старые, салатого цвета обои, витой шнур проводки, идущий по стене на редких точках старинных фарфоровых изоляторов, и большая тарелка старого репродуктора, из которого негромко звучала песня:

Все выше, выше и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

«Марш авиаторов» – сразу узнал я эту старую песню. Как давно уже я ее не слышал. Оглядевшись вокруг, я в недоумении замер: это была моя старая комната в коммуналке, в этом не было никакого сомнения. Справа стояла пустая кровать моего младшего братишки, а напротив нее, рядом с платяным шкафом стояла кровать сестры. Их обоих не было в комнате.

Встав с кровати, я подошел к стене, на которой висел отрывной календарь, на котором стояло «17 июля 1937, Суббота». Насколько я помнил, листки календаря каждый раз отрывал я, утром, как только вставал, а если меня не было, то за меня это делала Иринка.

Тут как будто в голове переключился какой-то тумблер, но сразу всплыло, что сеструха в это время вместе с однокурсниками пошла в поход, а брат вместе со своим классом – в пионерском лагере. А главное, я сам был МОЛОДЫМ!!! Что произошло, почему я, судя по всему после своей смерти, очнулся в прошлом, в своем собственном теле?

Тут из соседней комнаты послышался такой знакомый и, казалось бы, уже давно и прочно забытый голос мамы:

– Олечка, сынок, завтракать будешь? Я твоих любимых сырников напекла.

Это действительно был голос моей матери. Мама! Такой родной и знакомый голос, а ей самой в этом году только сорок лет исполнилось.

А передо мной в голове тут же появился мрачный мартиролог. Мама: она погибнет в феврале 1942 года, когда попадет под артобстрел. Хоронить будут только верхнюю часть тела: от нижней просто ничего не останется после взрыва тяжелого снаряда. Отец: он пропадет без вести под Лугой, куда уйдет в составе дивизии народного ополчения защищать свой родной город. Иринка погибнет в августе 42-го, когда в дом, на крыше которого она будет дежурить, упадет не зажигательная, а фугасная бомба. Колька, наш младшенький: полуторка, в которой его вывозили вместе с классом, уйдет под воду в незамеченной водителем машины польнье 21 декабря 41-го, из машины не спасется никто. Родители отца просто замерзнут у себя дома в январе 42-го, а родители матери умрут от голода в течение одной недели в том же январе.

Одновременно с этим я вспомнил дневник Тани Савичевой, он просто огненными буквами всплыл в моей голове:

«28 декабря 1941 года. Женя умерла в 12.00 утра 1941 года».

«Бабушка умерла 25 января в 3 часа 1942 г.».

«Лека умер 17 марта в 5 часов утра. 1942 г.».

«Дядя Вася умер 13 апреля в 2 часа ночи. 1942 год».

«Дядя Леша, 10 мая в 4 часа дня. 1942 год».

«Мама – 13 мая в 7 часов 30 минут утра. 1942 г.».

«Савичевы умерли». «Умерли все». «Осталась одна Таня».

Сама Таня Савичева умерла 1 июля 1944 года, уже в эвакуации: прогрессирующая дистрофия, цинга, нервное потрясение и костный туберкулез окончательно подорвали ее здоровье. Ей было всего 14 с половиной лет.

А ведь еще была и моя Варя, Варенька... Она погибла в июне 1942 года.

14 июня 1942 года, Ленинград

В этот день я вечером, после работы, побежал к своей Варюше. На стук дверь мне открыла Ирина Федоровна, мать Вари. Вся заплаканная и какая-то постаревшая, она посторонила, пропуская меня в квартиру.

– Олег, это ты. А у нас горе: Вареньку убили сегодня утром. Отобрали карточки за три дня и твою цепочку с кулоном с шеи сорвали. По словам соседки, ее двое парней грабили, она сопротивлялась, вот они ее ножом и ударили. Как же я теперь буду без своей Вареньки?..

Ирина Федоровна снова расплакалась, а я стоял словно оглушенный. Перед моими глазами стоял образ смеющейся Варюши в развевающемся легком летнем платье.

Через пару недель я случайно увидел подаренную мной Вале золотую цепочку с кулончиком на Тамарке, молодой девице, которая с молодости путалась с приклатненными ребятами нашего района. В первый момент я не сразу узнал цепочку, а потом, когда сообразил, что это за цепочка с кулоном (кстати, ручной работы: мне ее знакомый ювелир, друг отца, для Вари делал, так что ошибиться было нельзя, так как это была штучная работа), то рванул вслед за Томкой.

Быстро ее догнав, развернул к себе и, сорвав с нее цепочку, злобно проговорил:

– Откуда у тебя эта цепочка?!

– А ну, пусти! И цепочку отдай, она моя!

– Слышь ты, шалава гребаная, отвечай! Откуда у тебя эта цепочка?!

– Она моя!

Сдавлив в кулаке ворот ее платья, так что ей стало трудно дышать, я, уже едва сдерживаясь, прорычал:

– Удавлю, тварь! Эту цепочку я подарил своей невесте, а пару недель назад ее убили и ограбили! КТО... ТЕБЕ... ЕЕ... ПОДАРИЛ?! Ну, отвечай, а то сейчас удавлю как сообщницу этих уродов!

Томка заметно струхнула, так как поняла, что я на взводе и могу действительно ее udавить, а потому быстро проговорила:

– Да Витька Губа мне ее дней десять назад подарил. Откуда я знала, что она ворованная?

Витька Губа был приклатненным шпынем в нашем районе и обычно работал на пару со Степкой Шкетом. Свою кличку Витька получил за заячью губу, а Степка был просто мелким, вот его Шкетом и звали.

– Если хоть слово этим уродам вякнешь – УДАВЛЮ, ТВАРЬ! Поняла меня?

– Да-да, поняла, буду молчать как рыба, только не убивай.

До Томки наконец дошло, что ни в какую милицию я ее не потащу, а могу просто udавить на месте, вот она и испугалась по-настоящему. Забрав цепочку и отпустив Томку, я ушел. В милицию я не пошел: доказательств у меня никаких, а теперь и Томка просто скажет милиционерам, что она эту цепочку первый раз в жизни видит.

С этого дня в моем кармане всегда лежал кусок тонкой, но прочной веревки, а я после работы ходил по улицам нашего района. И в конце июля мне все же повезло: я увидел Витьку

Губу. Он как раз шел в мою сторону, и я, когда он поравнялся со мной, сделал шаг ему за спину и накинул на шею выхваченную из кармана веревку, после чего резко сдавил ее, разводя из-за всех сил свои руки в стороны.

Витька задергался, пытаясь освободиться, а я продолжил его душить и тихо прохрипел ему в ухо:

– Ну что, урод, добегайся? Думал, только ты будешь людей убивать? Это тебе за мою Варю!

Наконец Витька перестал дергаться, под его ногами натекла желтая лужа и завоняло дерьмом. Но я на всякий случай еще пару минут подержал веревку на его шее, чтобы, как говорится, с гарантией отправить этого подонка в мир иной. Один готов, но оставался еще один ушлепок, который убивал мою девушку.

Шкета я отловил через полторы недели. Он, видимо, что-то почувствовал, потому что когда я к нему подошел, то он выхватил финку и стал выводить ею круги. Я был не в лучшей форме: сказывался голод. Но все же перехватить его руку с финкой смог, после чего, вывернув ее, насадил Шкета на его собственный нож. Вытащив его руку, я снова с силой ударил его ножом в живот и потянул его руку с зажатой в ней финкой на себя, разрезая плоть и увеличивая рану, пока из распоротого живота не стали вываливаться наружу кишки.

– Это тебе, тварь, за мою невесту! Жизнь за жизнь! А то милиции еще доказывай, что это ты со своим подельничком Губой ее убили и ограбили.

Шкет умирал почти полчаса, и все это время я стоял рядом и молча смотрел на него, а потом, плюнув на его труп, пошел к Ирине Федоровне. Она была дома и открыла мне дверь, когда я стал в нее стучать.

– Добрый вечер, Ирина Федоровна. Я нашел и наказал убийц Вареньки. Теперь она может спать спокойно, зная, что ее убийц постигла кара и они больше не топчут нашу землю.

– Олечка, почему ты их не сдал в милицию?

– А доказательства, Ирина Федоровна? Доказательств нет: ваша соседка их лиц не видела и опознать их не сможет. Да и кроме того, только удавив их своими руками, я смог потушить пожар в своей душе. Знаю, Варю этим мне не вернуть, но хотя бы я спас других Варь от этих нелюдей: больше они никого не убьют и не ограбят.

Кстати, эта шалава Томка пережила блокаду и войну. Я ее иногда встречал, и каждый раз, как она меня видела, тут же испуганно отходила в сторону. Других последствий для меня это не имело: ни милиция, ни возможные дружки Губы и Шкета ко мне не приходили.

18 июля 1937 года, Ленинград

Я вспомнил все это и понял, что просто не смогу жить, если не попытаюсь все это изменить. Я не могу отменить войну, но я могу постараться как минимум сделать так, чтобы на начало войны у нас были не еще сырые Т-34 и КВ, а целая линейка новой бронетехники с уже всеми необходимыми усовершенствованиями, доведенной до кондиции, с вылеченными детскими болезнями.

С 1936 года я работал на заводе № 174 имени Ворошилова в конструкторском бюро, а затем, уже во время войны, перешел на Кировский завод, где и проработал до самой своей пенсии, проектируя танки и другую бронетехнику. Я не знаю, кто или что перенесло меня в мое собственное прошлое, но оно сделало мне просто шикарный подарок: я помнил все, что со мной было в моей жизни, а также все чертежи, которые я чертил или видел.

Да, моей последней работой был Т-72 первого поколения, но сейчас его не сделать: слишком сложно для нынешней промышленности, нет еще необходимых для его производства технологий. Но вот наладить к началу войны выпуск Т-44 и ИС-3 вполне реально. Реально чисто технически, но только как мне добиться разрешения на их разработку – вот в чем вопрос. Ведь

сейчас я никто и звать меня никак. Начальство со мной даже говорить не будет, предложи я ему разработать новые танки. Короче, будем думать, а пока надо снова вжиться в эту жизнь, а то отвык я давно от этого времени.

Быстро одевшись, я вышел из нашей комнаты в комнату родителей. Комната родителей была раза в два больше нашей: если наша была около двенадцати квадратных метров, то родительская – около двадцати. Нам, то есть нашей семье, в плане жилья, можно сказать, повезло: у нас было целых две комнаты в коммуналке, причем и сама коммуналка была небольшой, всего пять комнат. Наш дом стоял на набережной реки Фонтанки, у Ломоносовского моста, причем мы жили во флигеле, который располагался во дворе. Хоть двор был и небольшой, но места для маленького зеленого скверика с фонтаном посередине там хватало, и наши окна выходили как раз в этот скверик.

Наша комната была самой крайней, рядом с парадной, и из нее шла дверь в комнату родителей. Раньше была еще дверь и в коридор, но ее заложили еще до меня; кто и когда, не знаю, просто у соседей с других этажей из такой же комнаты выходы были только в коридор. За комнатой родителей была еще одна большая комната, там жила молодая семья. Виктор – достаточно молодой парень, на несколько лет старше меня, – жил там со своей женой Настей и двухгодовалой дочкой Аней. С другой стороны коридора в большой угловой комнате жила тетя Валя (просто привык так называть ее с детства), она служила в какой-то конторе. Потом была узкая комната наподобие нашей, в которой жила баба Таня, пенсионерка, и затем большая кухня.

Туалет с умывальником был в конце коридора, вот туда я пошел, по дороге поцеловав маму. Как мне хотелось обнять ее изо всех сил и никуда не отпускать.

Вернувшись, мы с ней и отцом позавтракали, а потом я стал собираться. Ведь моя Варюша снова жива и здорова, а я не видел ее целых 72 года – целую жизнь. Хорошо, что сегодня воскресенье, выходной: у меня есть достаточно времени, чтобы все обдумать и привыкнуть к новой старой жизни (такой вот каламбур получается).

Я спускался по лестнице вниз (а жили мы на втором этаже), когда заметил у дверей квартиры под нами фигуру человека с костылями и вещмешком на спине. Это был наш сосед, дядя Петя. Я, сделав удивленное лицо, спросил его, что случилось.

Это в своей старой жизни я знал, что танкист майор Петр Нечаев одним из первых отправился воевать в Испанию осенью 1936 года. В середине октября 1936 года он прибыл в Испанию в составе экипажа танков Т-26, которые отправило на помощь республиканцам правительство СССР. Нечаев вошел в состав первой интербригады под командованием Манфреда Штерна, австрийского коммуниста, гражданина СССР. А сейчас я не должен был знать, что с ним случилось, вот и пришлось ломать комедию.

Но нет худа без добра: мне нужен был официальный источник знаний об эффективности наших танков в бою. Дядя Петя для этого подходил отлично. Да, вот такая я циничная сволочь, а что делать? Как мне иначе залегендировать мои знания о боевом применении наших танков, если я официально всего лишь молодой инженер-конструктор, только недавно закончивший учебу и ни в какие командировки в горячие точки не ездивший?

– Доброе утро, дядь Петь, что с вами случилось?

Обернувшись ко мне, дядя Петя ответил:

– О, Олег, доброе утро. Да вот не повезло мне, отвоевался я, похоже.

Сделав понимающее лицо, я воскликнул:

– Вы что, оттуда?! Прямо из Испании?! Как там, бьете проклятых франкистов?

– Да тише ты, не ори! – замахал на меня рукой дядя Петя.

– Дядь Петя, расскажи, как вы там воевали! Как наши танки себя показали?

При этих словах лицо дяди Пети откровенно скривилось:

– Олег, я прямо из госпиталя, даже семью свою не видел.

– Ой, извините, не подумал. Просто вы ведь знаете, где я сейчас работаю, а мне очень важно знать мнение танкистов о наших танках, чтобы сделать их более надежными и защищенными.

– Ладно, Олег, приходи вечером, часикам к восьми, поговорим.

– Спасибо, дядь Петь, мне это действительно очень важно.

– Да беги уже, небось к своей Варваре бежишь? – улыбнулся мне дядя Петя.

– К ней. Тогда до вечера, дядь Петь.

Ну вот, если что, потом можно будет упираться на мнение и слова того, кто сам воевал на наших танках. Жаль, конечно, дядю Петю. Не знаю, что именно с ним произошло, но блокаду он тоже не пережил. А так, надеюсь, у него будет шанс выжить, ведь жили же многочисленные инвалиды, которых после войны было много.

– Доброе утро, Ирина Федоровна, а Варю можно?

– Доброе утро, Олег, сейчас позову.

Мне повезло: дверь открыла сама Ирина Федоровна, а не соседи. Вот Варя и ее матери откровенно не повезло: в соседях у них были какие-то склочные люди, и причем все уже в возрасте, молодежи не было. Варя постоянно мне жаловалась на регулярные скандалы и мелкие пакости со стороны соседей. Может, это было еще потому, что Ирина Федоровна была учительницей, коренной жительницей, а соседи все были без малейшего образования, из деревень, приехавшие в город после революции. Вот и была она среди них как белая ворона.

Варя жила на углу Фонтанки и Бородинской улицы – от меня пять минут ходьбы пешком. Она вскоре выпорхнула из комнаты, и мы, взявшись за руки, пошли гулять по городу. А что, погода отличная, солнышко с легкими облаками, которые не дают ему печь, тепло, а впереди еще почти весь день. Повернув в сторону Аничкова моста, мы перешли дорогу и пошли по набережной реки Фонтанки, по которой плавали лодки.

Домой я вернулся только после обеда, проводив перед этим Варю домой. А прошли мы изрядно, прогулявшись пешком по Невскому проспекту мимо Казанского собора до Зимнего дворца и обратно.

А в восемь часов вечера я уже звонил в квартиру дяди Пети. Дверь мне открыла их соседка, тетя Вера. Для меня, считай выросшего здесь, все взрослые соседи были дядями и тетями, как, впрочем, и для всей остальной дворовой ребятни, которая уже превратилась к этому времени в девушек и юношей.

– Добрый вечер, тетя Вер, – поздоровался я с ней.

– Здравствуй, Олег, ты к кому?

– К дяде Пете, он вернулся, я его видел утром.

– Да, не повезло ему, да и Анне тоже: муж инвалидом стал.

– Теть Вер, зато вернулся, живой, да и руки целы, а нога – так там ниже колена, так что деревянную поставить и можно ходить. Конечно, бегать не будешь, но и хоронить себя раньше времени тоже не стоит.

– Ладно, иди, утешитель.

Я прошел к комнате Нечаевых и постучал.

– Дядь Петь, к вам можно?

Дверь мне открыл их сын Колька, еще пацан, учившийся в школе.

– Олег, проходи, – раздался из комнаты голос дяди Пети.

– Здравствуйте, тетя Аня, – поздоровался я с его женой.

– Здравствуй, Олег.

– Ну, проходи, надежда советских танкистов, – невесело пошутил дядя Петя.

Мы с ним сели за стол у приоткрытого окна и начали негромкий разговор.

– Дядь Петь, как так случилось, что в ваш танк попали?

– Эх, Олег, этим танком только басмачей по пустыне гонять: броня ни к черту, его в борт со ста метров можно из ДК пробить бронебойным патроном, а из любой противотанковой пушки Т-26 пробивается с полукилометра в любой проекции. А нашей противотанковой пушкой пробивается в лоб с километра, а франкисты из немецких 37-миллиметровых орудий подбивали нас от полукилометра и более. Так и мой танк подбили. Мехвод погиб на месте, мне болванкой ногу оторвало под коленом. Спасибо заряжающий из танка вытащил, а то сгорел бы вместе с танком.

– Значит, тридцати миллиметров лобовой брони под прямым углом явно недостаточно для защиты танка?

– Теперь уже нет. Вот для Гражданской войны или Империалистической наш Т-26 был бы в самый раз, а сейчас уже он устарел. Да и БТ тоже не годится, он бронирован даже слабее Т-26.

– Я так и думал. Время идет, все совершенствуется. Есть у меня задумка по новому легкому танку. Правда, он будет минимум в полтора раза тяжелей уже существующих, зато защита будет уже легкой, противоснарядной, по крайней мере в лоб его пробить будет очень трудно.

– Ну, так что ты там придумал? – оживился дядя Петя.

– Коль, дай лист бумаги и карандаш, – попросил я сына дяди Пети.

Получив требуемое, я стал быстрыми штрихами накидывать силуэт танка.

– Хм, интересно. Форма, надо признать, необычная, но смотрится, пожалуй, покрасивей БТ, не говоря уже про Т-26.

– Тут, дядь Петя, не в красоте дело, хотя, конечно, если и внешне выглядеть будет красивей, то еще лучше. Просто при таких наклонах брони повышается вероятность рикошета при попадании снаряда в броню. А кроме того, тут есть еще один важный фактор, вот смотрите. – Я провел на листе бумаги две параллельные линии. – Допустим, здесь бронелист толщиной в 10 миллиметров, а если повернуть лист на 45 градусов, то толщина листа увеличится ровно в половину. – При этих словах я повернул лист бумаги на 45 градусов. – Это законы геометрии. Таким образом, только за счет угла расположения бронелиста мы повышаем бронезащиту наполовину. Как вам легкий танк с лобовой броней в 45 миллиметров под углом в те же 45 градусов? Если даже снаряд не срикошетит, то ему надо будет пробить не 45 миллиметров, а уже 67,5. А это и для тяжелого танка подойдет. Ну а борт 30 миллиметров; хотелось бы и потолще, но тогда точно в весовую категорию не впишемся. Но если борта сделать тоже под углом в 45 градусов, то тогда будут те же 45 миллиметров, но под прямым углом.

– Да, Олег, впечатляет. А орудие и башня?

– Калибр надо увеличивать, 45 миллиметров уже недостаточно мощный калибр для современных танков. Пока еще он, конечно, сойдет, но ведь наши противники тоже не будут стоять на месте, значит, надо работать на перспективу. Я думаю, тут нужно новое 60-миллиметровое орудие с длиной ствола минимум в 50 калибров. Необходимо в открытом бою уничтожать танки противника на максимальной дистанции, пока они не войдут в зону открытия своего действенного огня. То есть уничтожить их до того, как они смогут своим ответным огнем уничтожать наши танки.

– Правильные у тебя мысли, Олег. Только вот сможешь ли ты это все воплотить в жизнь?

– Постараюсь, дядя Петя. Сначала дома проработаю проект, а потом пойду к начальству. Только, боюсь, завернут они меня.

– Вот и я тебе о том же говорю.

– Но если надо, то я до самого товарища Сталина дойду! Сначала попробую официально, через свое начальство, а если откажут, то придется писать товарищу Сталину. Дядь Петя, у вас ведь друзья и сослуживцы здесь остались, сведите меня с ними.

– Зачем тебе это?

– А как проектировать танк, если не знаешь, как вам удобней всего? Воевать-то потом на этих танках вам. Я могу думать, что вам удобно так, а на деле окажется наоборот, вот и

будут потом танкисты всю костерить конструкторов. Да и время зарядки и остальное надо учитывать. Когда все под рукой и удобно расположено, то лишние секунды экономятся, а порой даже одна лишняя секунда может спасти жизнь.

– Тут ты прав. Сведу я тебя потом с друзьями и сослуживцами. А танк твой мне действительно понравился. Жаль, там его не было.

– Ну, дядь Петь, он тут в лучшем случае только через год появится, и то если мне активно мешать не будут, и я смогу хоть до кого-то достучаться. А потом еще госприемка, где генералитет может его завернуть: они ведь все в основном опираются на свой опыт Империалистической и Гражданской войн, а тогда все было другое.

– И опять ты прав, Олег. Время идет, техника развивается, и уставы должны изменяться согласно новым условиям.

Я еще немного посидел у Нечаевых, обсуждая с дядей Петей танки, и в полдесятого вечера ушел к себе. Главное, теперь, если что, я смогу с чистой совестью заявить, что советовался с воевавшим на наших танках человеком, и он это, если надо, подтвердит, да и его обещание свести с друзьями и сослуживцами играло на меня. Думаю, профессиональные танкисты, когда увидят проект ЛТ-1, который я хотел сделать на базе Т-50, должны оценить мою задумку. И я более чем уверен, что они полностью меня поддержат, и я смогу в разговорах с начальством упираться на заинтересованность в этом тех военных, кому потом на этом танке воевать.

А пока мне следовало готовиться к завтрашнему дню, ведь мне завтра на работу, и как пройдет этот мой новый старый рабочий день, я не знал. Вроде в моей памяти есть все мои коллеги, с кем я работал на заводе, но кто мне гарантирует, что не будет никаких сюрпризов. Да, этот некто, или это нечто, что предоставили мне второй шанс и перенесли меня обратно во времени, дали мне фотографическую память, но кто гарантирует, что у нее не будет сбоев? Теперь ведь весь интернет с Википедией находятся исключительно в моей голове, теперь не зайдешь привычно на сайт и не погуглишь необходимое. Так что надо сначала вжиться в уже забытую мной прошлую жизнь, немного освоиться и только потом идти к начальству с моими проектами. Думаю, за неделю освоюсь, мне ведь не с нуля начинать, а всего лишь вспомнить уже однажды прожитое.

Глава 2

С самого утра меня бил мандраж: как там будет на работе? Все же у меня получается перерыв в целых семьдесят лет жизни, хоть вроде и помню прекрасно всех своих сослуживцев, расположение цехов. Да даже вспомнилась тема, по которой сейчас я работаю, но все равно страшно: а вдруг какой нехороший сюрприз всплывет.

Я ехал на завод, а это не ближний свет: метро, к моему большому сожалению, в Питере еще не построили, а то сел бы у себя на «Владимирской» и проехал до «Александра Невского», а это уже полпути. А так пришлось мне весь путь до завода проделать на трамвае да немного походить ножками.

Пока ехал, все время трясся, но стоило только мне зайти на завод, как страх ушел сам собой, и у меня было такое ощущение, как будто я только вчера отсюда вышел, и не было уже прожитой жизни в семь десятков лет. Я уверенно прошел на свое рабочее место, по дороге здороваясь со знакомыми и друзьями. День пролетел быстро, а мне понадобилось всего пару часов, чтобы нормально втянуться в работу.

Прошла неделя, а кажется, что и не было прошедшей жизни, что это все просто галлюцинация. В выходной снова весь день гулял по Питеру вместе с Варей, а со следующего дня приступил к воплощению своей цели. Сразу к начальству не пошел, так как пока кроме голословных заявлений у меня ничего нет. К тому же начинать надо с чего-то малого, что можно легко и быстро сделать.

Задумка на этот счет у меня была, а именно аппарат по закалке металла электротоком, который позволял несколько улучшить качество стали после закалки ее таким образом. Его устройство я знал, и построить его можно было очень быстро, в течение недели, при наличии необходимых материалов и работников. Я прекрасно понимал, что этим поступком, можно сказать, граблю Николая Шашмурина, которого знал лично и с которым потом работал на Кировском заводе. Это именно он, собственно говоря, и разработал этот метод в 1939 году для замены дорогостоящих сталей более дешевой, но ведь я не для себя любимого лично, а для всей страны стараюсь. Короче, простите меня, Николай Федорович, но у меня просто нет другого выхода, чтобы обратить на себя внимание.

Теперь каждую свободную минуту и пару часов после работы я стоял за своим кульманом и работал. Первым делом я, естественно, восстановил из памяти и перенес все чертежи машины по закалке металла электротоком, на это мне понадобилось полторы недели. И только затем приступил к проектированию танка. За основу я взял наш легкий танк Т-50, его я прекрасно знал, так как уже работал по его проекту на своем заводе под руководством Семена Александровича Гинзбурга в 1940 году. Вот только делать его один в один я не хотел. По моему мнению, у него была недостаточная бронезащита в лобовой проекции, а оружие уже слабовато в рамках предстоящей войны. Конечно, вес танка увеличится, но все равно он останется в допустимых рамках, пускай и подойдя к критической массе.

Тут, главное, потом побороть наследие Тухачевского, ведь по его гениальной стратегии нам необходима целая армия легких танков для преследования деморализованного противника. Правда, непонятно, а чем, собственно говоря, его будут деморализовывать. Последствием этой политики были тысячи наших сторевающих танков в первые месяцы войны. А сколько погибло наших танкистов в этих танках! Вот и надо перебороть исключительно ПРАВИЛЬНОЕ мнение военачальников времен Гражданской войны. Ведь нам понадобилось пройти Испанию, Халхин-Гол, Финскую войну, чтобы наше военное начальство наконец поняло, что нашей армии в первую очередь нужны средние и тяжелые танки с противоснарядной броней. Вот если у меня все получится с легким танком, то тогда можно будет и средними, и тяжелыми заняться. Ко мне в таком случае хоть прислушиваться станут.

На обеденном перерыве я встретил своего приятеля, он в литейном цеху работал, и он мне был нужен для производства новой брони для танков и металла для трансмиссии.

– Привет, Игорь, как дела? Тут у меня разговор есть, по твоей теме, кстати.

– О, Олег, привет. Что за разговор?

– По твоей мечте. Только сейчас не место и не время для него. Давай сегодня после смены в нашей пивной, я заранее там столик займу и тебя подожду. Вот тогда под пиво, не торопясь, и поговорим спокойно, с чувством, с толком, с расстановкой. Гарантирую, тебе понравится тема нашего разговора.

– Змей-искуситель! Вот теперь и гадай, что ты мне предложить хочешь. Ладно, приду.

Мы разошлись, а после работы я неторопливо пошел в пивную, которая располагалась буквально в полукилометре от завода. Среди наших рабочих она была очень популярна: здесь всегда было пиво, и сама пивная была светлой и чистой.

Это мне было хорошо: наступил конец работы – убрал бумаги и чертежные принадлежности в ящик стола, и готово, можно смело идти домой. А Игорю надо сначала пойти в душ и помыться, а потом одеться.

В пивной как раз освободился небольшой столик в углу, на двоих. Взяв две пол-литровые кружки светлого пива, я занял этот столик и стал неторопливо и понемногу отхлебывать из кружки, ожидая, пока придет Игорь. Я не особый любитель пива, но иногда можно и выпить. Вот так я и просидел с полчаса, пока в пивной не появился Игорь. Махнув ему рукой, чтобы он быстрее меня заметил, я сделал еще глоток. Игорь увидел меня сразу и направился к столику. Когда он уселся, я протянул ему кружку с пивом.

Разом ополовинив кружку, Игорь вытер рот рукавом, поставил кружку на стол и спросил:

– Ну, Олег, и о чем ты хотел со мной поговорить?

– О твоей мечте, Игорь. Ты ведь хочешь сварить свою броневую сталь?

– Хочу. А тебе какое до этого дело?

– Ты хочешь сварить новую броневую сталь, а я хочу сделать новый танк, и ему понадобится хорошая броня.

– А я чем могу тебе помочь? Ты ведь знаешь, что у меня пока ничего не получается, да и мастер начал косо смотреть.

– Посмотри.

Я протянул Игорю лист бумаги, где были написаны две формулы стали – броневой и инструментальной для трансмиссии – и краткое описание всего техпроцесса их варки. Игорь взял лист и стал внимательно его читать.

Прочитав дважды, он удивленно спросил у меня:

– Олег, откуда это у тебя?

– Неважно. Главное, что никто не скажет, что ты это украл.

– Я так не могу, Олег. Это не мое изобретение. А что с теми, кто это придумал?

– Не дури, это никто не изобретал, а такая броня нужна уже сейчас.

– Я не пойду на обман. Извини, но я так не могу.

– МОЖЕШЬ... – яростно прошипел я ему. – Ишь, чистоплюй какой выискался! А то, что наши танки горят как свечки, тебе все равно?! У меня сосед, майор танкист из Испании, инвалидом вернулся, потому что наши Т-26 с легкостью пробиваются любыми противотанковыми пушками. И это ему, считай, еще повезло, потому что его мехвода убило на месте, когда противотанковый снаряд пробил лобовую броню. Если тебе все равно, то мне нет, я не хочу, чтобы наши танкисты возвращались домой инвалидами или гибли только из-за того, что наши танки уже устарели и на них никудышная броня. А рецепт... Считай это откровением свыше. Никто тебе претензий за него не предъявит, а эти броня и сталь нужны уже сейчас. Неважно, откуда это. Важно, что это может спасти жизни и здоровье наших танкистов, это главное. Остальное выбрось из головы.

– Ну не знаю...

– Короче, я приступил к разработке нового танка. Пока, так сказать, в явочном порядке, но я добьюсь того, что мне официально дадут это задание. И мне для него понадобятся хорошая броня и сталь на ходовую. Не сделаешь ты – сделают другие, вот только все плюшки, связанные с этим, достанутся тому, кто сварит эти броню и сталь. Думай, это тоже дело небыстрое. Но если через неделю ты мне не дашь ответ, то я буду искать другого литейщика, кто не будет таким чистоплюем, как ты.

Забрав у Игоря лист бумаги с формулами и описанием литья, я спрятал его в карман рубашки. Затем быстро допил пиво несколькими большими глотками и, поставив кружку на стол, встал и вышел из пивной.

Раз сегодня из-за разговора с Игорем я закончил работать пораньше, то можно заглянуть и к моей Вареньке, тем более она стала обижаться, что я перестал с ней встречаться по рабочим дням.

Мне повезло, Варя была дома. Только она, надув губки, стала изображать из себя недоτροгу.

– И что с тобой случилось, что ты решил ко мне сегодня прийти? Уже три недели ты встречаешься со мной только в выходной. Или другую себе нашел?

– Не говори чепухи. Просто у меня времени практически не стало, работаю много.

– Не ври мне, остальные ребята из конструкторского бюро приходят домой как обычно.

– Я работаю над своим проектом в нерабочее время, вот и прихожу домой поздно.

– И что мой великий изобретатель изобретает?

– Новый танк.

– А кроме тебя некому этого делать?

– А другие не знают, что именно надо.

– А ты знаешь?!

– А я знаю!

– Ага, никто не знает, все такие глупые, а мой Олег один такой умный, что знает.

– Помнишь, мы на майском параде в Москве видели Т-35.

– Помню, он такой здоровый, просто жуть берет.

– Ну да, братская могила для одиннадцати.

– Как ты можешь так говорить?!

– Я – могу! Ты не забыла, ГДЕ я работаю? Так вот, броня этого монстра пробивается любым противотанковым орудием с любой проекции уже на средней дистанции, а промахнуться по нему трудно, больно большой. Я много думал о танках и с танкистами говорил. Мой сосед, дядя Петя, вернулся из Испании без ноги. Он БЫЛ танкистом, теперь он инвалид, а все потому, что наши танки не могут противостоять орудиям, у них в основном противопульное бронирование. Я не хочу, чтобы такие дяди Пети возвращались домой инвалидами.

Ох, чувствую, не раз еще мне придется упомянуть дядю Петю, пока я смогу спроектировать и построить свой танк.

Все же мне удалось уболтать Варю, и мы пошли гулять, раз у меня выдалась такая возможность.

Через три дня на заводе в обеденный перерыв ко мне подошел Игорь.

– Олег, я согласен. Действительно, если там стоящая сталь, то не следует тянуть с ее внедрением.

– Я рад, что ты это понял. Если ты считаешь, что недостойн денег, которые тебе заплатят за это изобретение, то всегда можешь их пожертвовать государству или какому детдому. Но я считаю, что ты их честно заслужишь. Я тебе просто передаю сырую заготовку, и именно ты будешь внедрять ее в жизнь, а это тоже работа.

Я был рад, что Игорь согласился начать работать над броней и сталью, выдав это как собственное изобретение. Мне было плевать, кто именно сделает эту броню. А ее настоящие разработчики – простите, ребята, но ваша броня нужна мне уже сейчас, а вы, даст бог, потом сделаете еще лучше.

Еще две недели я продолжал работать в прежнем графике: в рабочее время основная работа, а затем два-три часа после работы я вычерчивал свой ЛТ-1. А потом я записался на прием к нашему директору, Николаю Степановичу Казакову, и на следующий день он меня принял.

– Здравствуйте, Николай Степанович.

– Новиков, Олег, и что надо молодым дарованиям?

– Николай Степанович, я хоть и молодой конструктор, но все свое свободное время посвятил созданию нового танка на смену устаревшему и уже не соответствующему нынешним реалиям Т-26. У меня есть наработки по новому перспективному танку с противоснарядным бронированием.

– А почему вы, молодой человек, считаете, что наши танки Т-26 устарели?

– Мой сосед, майор танкист, вернулся из Испании инвалидом: его Т-26 сожгли первым же выстрелом, пробив лобовую броню, а ему самому болванкой оторвало ногу.

– Возможно. Но почему вы считаете, что вы справитесь с такой работой, как проектирование танков? Сколько времени вы у нас работаете?

– Уже около года.

– И по-вашему, этого срока вполне достаточно, чтобы уже самому проектировать танки?

– Кому-то на это и всей жизни не хватит, а я давно и много думал о танках. Не только об их проектировании, но и о тактике их применения и сопутствующей танкам технике.

– Ну все, хватит. У вас, молодой человек, еще материнское молоко на губах не обсохло. А если вам мало своей работы, то я вам еще подкину.

– Николай Степанович, но вы хотя бы посмотрите на прибор по электрической закалке стали, он позволит ее улучшить.

– Все, хватит. Идите работать и не тратьте мое время зря.

Я вышел из кабинета Казакова. В принципе, именно на такое развитие сюжета я и рассчитывал. Хотя сам директор был относительно молод, но не думаю, что он даст возможность молодому конструктору, работающему на заводе без году неделя, самому разрабатывать такой проект. Была, конечно, надежда, что его хотя бы заинтересует мой проект, но так, пожалуй, даже лучше получилось.

Да, да, именно лучше. Хотя, казалось бы, что тут лучшего, раз мне не дали работать над моим проектом. Но это позволяло мне теперь с чистой совестью написать письмо Сталину и тем самым привлечь к себе его внимание. А внимание Сталина мне было жизненно необходимо. Представляться выходцем из будущего я не собирался, еще чего, себе дороже выйдет, в лучшем случае в дурку загонят, воробьям фиги крутить. Нет, я хотел представить себя ему как аналитика.

Ведь если у меня получится построить мой танк, и он пройдет испытания, то тут я возлагал немалые надежды на генерала Павлова. То, что его заинтересует мой ЛТ-1, я не сомневался. Война в Испании уже показала, что Т-26 окончательно изжил себя и ему срочно требуется замена, а еще немалую роль сыграет внешний вид нового танка. В сравнении с Т-26 ЛТ-1 будет выглядеть как новенькая современная машина рядом со старым и заслуженным ветераном.

Именно поэтому я не сомневался, что испытания и госприемку мой танк пройдет, правда со скандалом. Я был уверен, что многим из приемной комиссии не понравятся мои усовершенствования. Но тут, чем больше будет скандал, тем больше вероятность, что Сталин вызовет меня на разговор. И вот тогда под видом аналитики доступных мне источников можно будет слить Сталину часть информации о будущем, причем той, которая произойдет в ближайшее

время. Надо чтобы Сталин убедился в верности моих аналитических выкладок по ближайшему будущему. Именно так можно будет мягко подкорректировать историю, избежать многих ошибочных решений и принять правильные.

Придя домой, я засел за письмо Сталину.

21 августа 1937 года, Москва, Кремль

Сталин работал с почтой, которая регулярно приходила на его имя, когда ему попало толстое письмо из Ленинграда.

Добрый день, уважаемый товарищ Сталин, пишет вам инженер-конструктор Олег Новиков с Ленинградского завода номер 174 имени товарища Ворошилова. Я извиняюсь, что отвлекаю такого занятого человека, как вы, от работы, но просто у меня не осталось другого выхода, как только обратиться к вам лично.

Хоть я и молод, но всю жизнь меня интересовали только танки, я и работать пошел на завод в конструкторское бюро по разработке бронетехники. В частном порядке, дома и после работы, я начал разрабатывать новый легкий танк с противоснарядным бронированием. Наши нынешние танки, к большому сожалению, больше не удовлетворяют нас по броне-защищенности и огневой мощности. К примеру, наши танки Т-26 и БТ можно подбить из обычного крупнокалиберного пулемета бронебойным патроном, пускай в борт, но все равно. С развитием современной техники они уже устарели, им срочно требуется замена. Мой сосед воевал в Испании, его танк Т-26 был подбит, а он – тяжело ранен. Сосед рассказал про потери их батальона, они большие, а все оттого, что наши танки соответствуют уровню Империалистической или Гражданской войны.

Сейчас идет быстрое развитие техники, и любой танк через каждые 5 лет будет считаться уже устаревшим. Я разрабатываю танки и очень не хочу, чтобы танкисты, которые будут воевать на разработанных нашим КБ танках, потом костерили нас, разработчиков, за отвратительные боевые машины.

В этом письме я сделал набросок нового танка с его данными, а кроме того, я разработал прибор по закалке стали электротоком. Такая закалка позволит несколько повысить качество стали. Для создания такого прибора мне надо всего пару недель, несколько рабочих и материалы для прибора. Лично для себя мне не надо ничего, просто я очень хочу, чтобы в предстоящих сражениях наши танкисты воевали на самых лучших в мире танках.

Сталин достал еще пару листков, на которых и были наброски танка. В глаза сразу бросались необычные линии брони, но сам танк на фоне Т-26 или БТ выглядел более изящно и, как ни странно, более хищно. Там же приводились и ТТХ танка.

Легкий танк ЛТ-1:

Корпус, лобовая броня: верх 45 миллиметров при наклоне броневой плиты в 45 градусов, низ 50 миллиметров при наклоне плиты в 60 градусов. Борт: верх 30 миллиметров при наклоне плиты в 45 градусов, середина 40 миллиметров при вертикальном расположении, низ 30 миллиметров при наклоне в 60 градусов. Корма: верх 40 миллиметров при наклоне плиты в 45 градусов и низ под углом 60 градусов. Башня: лоб 60 миллиметров, борт и корма 50 миллиметров.

Вооружение: орудие в 60 миллиметров при длине ствола в 50–60 калибров. Спаренный пулемет ДТ и зенитный ДК на башне. Такой калибр и длина ствола орудия выбраны потому, что штатное танковое орудие 20-К в ближайшие 5 лет станет малоэффективным.

Думаю, не мы одни в ближайшие годы станем кардинально обновлять парк танков, и новые модели будут лучше защищены и вооружены. Очень не хочется, чтобы наши танкисты в бою столкнулись с танками противника, которые они просто не смогут уничтожить из-за подавляющего технического превосходства противника.

А так и будет, если мы не будем разрабатывать новые танки, более мощные, чем ныне существующие. Экипаж – 4 человека: командир, мехвод, наводчик, заряжающий.

Боевой вес – около 20 тонн.

С глубоким уважением, Олег Новиков.

Сталин еще раз перечитал письмо и внимательно рассмотрел вложенные в конверт наброски танка.

Немного подумав, он снял телефонную трубку и, когда ему ответил его секретарь, произнес:

– Товарищ Поскребышев, вызовите мне на завтра товарищей Шапошникова и Павлова. И еще выясните все об Олеге Новикове, он работает инженером-конструктором на заводе имени Ворошилова в Ленинграде. Это срочно.

Сталин всегда старался перед принятием решения изучить его со всех сторон и не стеснялся привлекать для этого специалистов. Раз вопрос касался военной стороны и танкостроения, то ответы на него могли дать маршал Шапошников, как начальник Генерального штаба, и генерал Павлов, как заместитель начальника Автобронетанкового управления РККА.

На следующий день Поскребышев впустил Шапошникова и Павлова в кабинет Сталина.

– Здравия желаем, товарищ Сталин, – дружно поздоровались вошедшие сразу, как зашли в кабинет.

– Добрый день, товарищи. Проходите, садитесь.

Дождавшись, пока Шапошников с Павловым сядут за стол, Сталин протянул им полученное накануне письмо.

– Вот, товарищи, ознакомьтесь, мне интересно ваше мнение об этом письме. Его автор еще очень молод и работает на заводе имени Ворошилова в Ленинграде меньше года. Мне интересно, прав он или нет.

Первым письмо прочитал маршал Шапошников, после чего, передав его генералу Павлову, сам стал изучать наброски танка. Павлов быстро прочитал письмо, но вот посмотреть сразу наброски нового танка он не смог, так как маршал Шапошников слишком долго их изучал. Наконец и Павлов получил наброски, которые с огромным интересом стал изучать. Тщательно рассмотрев чертежи, Павлов положил лист с ними на стол.

– Ну что, товарищи, ознакомились с письмом и набросками нового танка? И как вам, по делу пишет товарищ Новиков или он ошибается? Товарищ Павлов, вам, как танкисту и заместителю начальника Автобронетанкового управления РККА, как говорится, и карты в руки.

Павлов ненадолго задумался. В принципе, он был полностью согласен с изложенным в письме, да и наброски нового танка с ТТХ ему, честно говоря, понравились. Он и сам задумывался о том, что армии нужны новые танки, а тут, возможно, удастся продать это через товарища Сталина, и если что, то это не его инициатива.

– Товарищ Сталин, в принципе, я полностью согласен с товарищем Новиковым. Использование наших танков Т-26 в Испании показало их малую надежность и эффективность. Потери в технике очень большие, и хотя у противников тоже нет эффективных танков, но это

сейчас. По своей должности я интересуюсь техникой вероятного противника, и полученные данные не радуют. Так, например, во Франции уже массово производится тяжелый танк Б-1 Шар, он имеет лобовую и бортовую броню в 60 миллиметров. Наши танки смогут гарантированно пробить его броню только на дистанции в сто метров. В Англии разрабатывается танк «Матильда», его бронирование предполагает 70–75 миллиметров, что делает наши танки перед ними практически беззащитными. У немцев пока нет танков с такой мощной броней, но что будет через несколько лет, я не знаю.

– Товарищ Павлов, почему тогда вы бездействуете?!

– Я не бездействую, товарищ Сталин. Вы знаете, что я только в июне этого года вернулся из Испании.

Сейчас я обобщаю опыт, полученный в ходе боев, но уже и так ясно, что нашей армии нужен новый танк, с более мощной броней и орудием. Товарищ Новиков написал все правильно. Только он хочет разработать новый легкий танк, тогда как нам необходим средний.

– Значит, нам не нужен танк товарища Новикова?

– Почему? Товарищ Новиков хочет разработать хоть и легкий танк, но уже с противоснарядным бронированием, пускай и легким. Если у него это получится, то потом нам будет легче разрабатывать новый средний танк на основе его легкого. Мне нравится его идея с рациональными углами наклона брони. Это не только повысит бронезащищенность, но и придаст танку более красивые очертания. Хоть это и не главное, но хочется, чтобы наше оружие и техника были красивыми. И я также согласен с мнением товарища Новикова, что новому танку необходимо более мощное орудие. Если создавать новое, большего калибра, то, пожалуй, его идея об орудии калибра 60 миллиметров заслуживает изучения. Это получится переходный калибр. Кроме того, в таком случае можно будет сразу делать снаряды с повышенным содержанием пороха, для большей скорости и бронепробиваемости.

– А что по этому поводу думаете вы, Борис Михайлович? – обратился Сталин к маршалу Шапошникову.

– В общем, я согласен со всем вышеизложенным. В любом случае, даже если товарищ Новиков не справится с созданием нового танка, то его опыт поможет создать другим конструкторам новый танк. Меня, честно говоря, несколько смущает его возраст: он слишком молод, да и в конструкторском бюро завода работает неполный год. Но, судя по его письму, он очень ответственно отнесся к своей идее, так что вполне может и справиться. Мне также понравилась его оценка состояния нашей бронетехники и потенциала ее развития. Чувствуется, что у него аналитический склад ума. В любом случае мы не много теряем, если он попытается разработать свой танк, так что думаю, надо ему предоставить такую возможность.

– В таком случае предоставим ему эту попытку, но пускай вначале сделает свою машину по закалке стали электротокком. Товарищ Павлов, вам, как танкисту и заместителю начальника Автобронетанкового управления РККА, как говорится, и карты в руки. Напишите на завод имени Ворошилова товарищу Казакову, чтобы он пока предоставил ему возможность сделать свой аппарат. Если товарищ Новиков справится с этим, то тогда дадим ему возможность спроектировать свой танк. Вызовите его потом к себе и поговорите о создании нового танка. Возможно, у вас будут свои пожелания, поэтому лучше обсудить это заранее, чем переделывать, когда все уже будет готово.

Павлов, выйдя из кабинета Сталина, поехал к себе в управление, а по дороге еще раз прокручивал в голове состоявшийся разговор. Он действительно только месяц назад вернулся из Испании, где воевал в числе советских добровольцев. Он был командиром танковой бригады под псевдонимом товарищ Пабло. В ряде операций он даже командовал крупными сводными танковыми группировками войск и участвовал в таких операциях, как отражение прорыва фронта под городом Махадаонда, в Харамской и в Гвадалахарской операции. Весь этот

опыт боев наглядно показал ему, что Красной армии необходимы новые танки, с противоснарядной броней и дизельными моторами.

Он начал работать над этой проблемой сразу, как вернулся из Испании в Москву, просто этот вызов к Сталину произошел слишком рано, и он не успел подготовиться к подобному разговору. Но, пожалуй, так вышло еще лучше: по крайней мере, если что, то основная ответственность за провал ляжет не на него. А приглядеться к этому Новикову надо повнимательней. Если у него получится разработать удачный танк, то тогда можно будет поговорить с ним и о разработке нового среднего танка на основе его легкого. Главное, что этот Новиков, похоже, действительно увлечен созданием танков и будет работать в этом направлении не за страх, а за совесть, и он понимает, что делает.

Посмотрим, как он сделает свой аппарат, размышлял Павлов, а затем в случае успеха вызову его к себе. Можно будет также присвоить ему воинское звание воентехника второго ранга, это вполне в его компетенции. Если он справится со своей идеей, то тогда его надо держать поближе к себе, включить его в свою команду. Да и сам Новиков наверняка не будет против, так как ему тоже нужна поддержка: в случае успеха со своим танком он наверняка наживет себе кучу врагов и завистников. В этом случае покровительство высшего армейского командования ему явно не помешает. Так что пока пишем письмо директору завода имени Ворошилова и ждем результата, а там видно будет.

Глава 3

25 августа 1937 года, Ленинград

Директор завода имени Ворошилова Казаков, придя утром на работу, начал свой день с просмотра поступившей к нему на завод почты. Первым в небольшой стопке писем, заботливо подготовленных для него секретарем, лежало письмо из Главного Автобронетанкового управления РККА. В этом письме заместитель начальника ГАБТУ комкор Павлов приказывал выделить инженеру Новикову все необходимое для создания им прибора по электрической закалке стали.

– Вот настырный сучонок! – в сердцах выругался директор на своего молодого сотрудника. – Через мою голову на самый верх полез. Никак не угомонится и не понимает, гаденыш, что он не только сам может себе шею сломать, но и других под монастырь подвести.

Вызвав своего секретаря, он велел ему немедленно вызвать к себе конструктора Новикова. Делать нечего, придется выделять Новикову материалы и людей для его аппарата, но прежде придется его выслушать, что он там изобретал. Раз все равно придется ему выделять материалы и работников, так пускай хотя бы подробно объяснит, что он придумал и как это работает.

Я стоял за своим кульманом, когда ко мне подошел наш начальник отдела и велел мне немедленно идти к директору завода. Убрав в ящик своего стола чертежные принадлежности, я пошел к Казакову. Похоже, моя идея отправить письмо Сталину сработала: ничем иным внеурочный вызов к директору завода я объяснить не мог.

В кабинет директора меня проводил его секретарь сразу, как только я зашел в директорскую приемную. Одного беглого взгляда на Казакова было достаточно, чтобы понять, что он взбешен. Ну точно, сработало мое письмо. Судя по всему, Казаков получил какое-то указание, скорее всего – выделить мне все необходимое для создания прибора по закалке стали электричеством.

– Что, добился своего?! Думаешь, самый умный тут?! Мне пришло письмо из Главного Автобронетанкового управления РККА от заместителя начальника комкора Павлова. Я выделяю тебе ДВУХ слесарей – слышишь, ДВУХ! – и все необходимые материалы для постройки твоего агрегата. И не дай тебе бог не управиться в две недели. Если то начальство... – при этом Казаков ткнул пальцем вверх, – твой провал тебе простит, то я тебя взгрею по полной программе, и мало тебе не покажется! Ты все понял, Новиков?!

Да, директор был взбешен, и я постарался несколько сгладить последствия обращения наверх через его голову, а потому спокойным и полупросительным тоном заговорил:

– Николай Степанович, я не понимаю, чем вы недовольны? Тем, что я через вашу голову написал в Москву? Так я просил вас позволить мне сделать хотя бы этот прибор, но вы мне отказали. Что мне оставалось делать? В конце концов, я ведь это не для себя лично просил, а для общего дела. Вы своим отказом просто не оставили мне другого выбора. Я понимаю, что, перескочив через вас и обратившись сразу на самый верх, я вас несколько подставил, но ведь не специально – я за дело болею. Да, разработка танка мной может вам показаться преждевременной, но ведь аппарат для закалки стали электричеством можно было дать сделать. Тут ведь и материалов, и работников всего ничего, но вы просто выгнали меня и не стали даже слушать мои доводы.

Немного успокоившись, Казаков сказал:

– Ладно, изобретатель, с прибором мы решили, выделяю тебе работников и необходимые материалы. А теперь покажи мне, что ты там с танком изобретаешь. Раз такие дела пошли, то надо хотя бы знать, что ты там напридумывал. Может, действительно что стоящее найдется в твоих изобретениях.

– Сейчас принесу, чертежи у меня в столе лежат. – И я убежал к себе в бюро за чертежами.

– Вот смотрите. – Я развернул перед Казаковым лист ватмана, где мой ЛТ был нарисован во всех проекциях.

Он стал внимательно его разглядывать, а под конец просмотрел приведенные внизу листа данные ТТХ.

– Да, не ожидал. Думал, ты дурью маешься, а тут действительно новый танк, абсолютно не похожий на Т-26 или БТ, и более-менее проработанный. А почему форма корпуса такая необычная? Не спорю, смотрится действительно лучше, чем на старых танках, но так у тебя броневой объем уменьшен.

– Зато с такой формой корпуса значительно повышается уровень бронезащиты. Вражеские снаряды либо срикошетируют, либо им придется пробить больше брони, чем толщина самой бронеплиты. Тут обычная геометрия, зато танк получится более живучим.

– А почему у тебя орудие указано в 60 миллиметров, и что это за утолщение на середине ствола?

– В ближайшие годы будет значительное увеличение толщины брони, и нынешняя «сорокапятка», стоящая сейчас на вооружении наших танков, станет практически бесполезной. Я проектирую на перспективу, к тому же даже сейчас с новым орудием наши танкисты смогут поражать практически все ныне существующие танки еще с дальней дистанции, до того, как они сами окажутся в зоне уверенного поражения вражескими танками. А утолщение на стволе – так это я орудийный эжектор придумал, чтобы после выстрела пороховые газы сами из ствола вытягивались. Штатные вентиляторы могут сломаться, а тут ничего не надо: эжектор работает на перепадах давления при выстреле. Да, орудие несколько подорожает, но зато у танкистов будет в бою больше шансов, что в самый ответственный момент они не промажут из-за заслевившихся от пороховых газов глаз.

– Понятно... В общем, сначала посмотрим, как ты справишься со своим прибором закалки, а там видно будет. И помни, у тебя всего две недели времени.

Из кабинета Казакова я вышел, ликуя в душе: у меня ПОЛУЧИЛОСЬ! Я получил шанс осуществить все свои начинания и задумки и изменить ход истории.

До самого вечера я согласовывал все необходимое для начала работ над прибором. Нашел выделенных мне директором работяг и вкратце объяснил им, что от них потребуется, потом пошел на склад и долго ругался с кладовщиком. Он, куркуль такой, заявлял на все, что я у него просил для прибора, что ничего нет. Только после угрозы пойти с жалобой на него даже не к директору, а прямо к нашему уполномоченному от НКВД, заявив, что кладовщик срывает важное правительственное задание, он сдался. Громко ругаясь и шумя как только можно, кладовщик стал подносить все мной затребованное. Причем не он сам, а его молодой помощник, который все это время, пока я ругался с кладовщиком, пытаясь выбить из него необходимые материалы, изображал из себя статую, стоя в сторонке.

Вырвав наконец с боем из жадных лап кладовщика все необходимое, я сходил за своими работягами, и мы вместе, на взятой с собой тележке, всё увезли в цех. Я лично контролировал все, что мы грузили, а то боялся, что кладовщик, жук такой, что-нибудь заберет назад. Заперев все в кладовке мастера, я позвал работяг с собой.

Со всеми этими хлопотами уже прошла половина рабочего дня, а по сути, кроме общего задания, мои слесаря ничего не знали. Достав схемы аппарата, я стал подробно объяснять рабочим план работ. Хотя он и будет идти под моим непосредственным руководством, но и рабочие

должны знать, что именно они будут делать. Так мы просидели до конца рабочего дня, а утром следующего приступили к работе.

Прибор сделали за четыре дня, только бежать докладывать об этом начальству я не стал. Прибор мало сделать, его надо еще и настроить и опробовать, иначе на испытаниях, без опыта работы с ним, у тебя ничего не получится.

Еще, считай, полную неделю я возился с настройкой и подбором режима работы, прежде чем у меня наконец получилось. Да, в моей памяти было устройство этого агрегата, вот только лично я на нем не работал. Так, случайно как-то попались его схемы, а сейчас моя совершенная память просто их выдала. Только мало построить прибор или станок, надо еще уметь на нем работать, вот и пришлось мне методом научного тыка подбирать режимы работы прибора.

Лишь когда все нормально заработало и металл стал действительно закаливаться, причем лучше, чем при традиционной закалке, я, наконец, пошел к директору с докладом. Второй раз прыгать через его голову я не стал. Во-первых, это окончательно испортит с ним отношения, а мне тут еще работать; да и он скоро пойдет на повышение, и иметь его потом во врагах мне не очень хочется. А во-вторых, уже не было смысла прыгать через его голову: своего я, считай, добился, а кто сообщит наверх об успешном выполнении, мне было безразлично, меня уже было не отодвинуть в сторону.

Казаков пришел вместе со мной в цех, где стоял прибор, и прямо при нем я, запустив прибор, провел закалку стальной болванки, которую сразу отправили в лабораторию для исследования. В принципе, это было уже не в первый раз, я ведь уже экспериментировал при настройке аппарата. Но тут все происходило на глазах директора, а потому делалось как в первый раз.

Изучив результаты исследований, довольный Казаков ушел к себе. Пускай не он был инициатором создания этого агрегата, даже был вроде как против этого, но создан он был, считай, под его руководством, и именно это будет на слуху у начальства.

7 сентября 1937 года, Москва

Взяв закрытый справочник и найдя в нем нужный номер, директор завода имени Ворошилова позвонил в приемную заместителя начальника Автобронетанкового управления РККА. Телефон снял секретарь Павлова, которому Казаков и доложил об успешном выполнении задания. Сначала секретарь Павлова не понял, о чем именно идет речь, но быстро вспомнил о собственноручно отправленном в Ленинград письме директору завода имени Ворошилова.

Вечером того же дня Павлов докладывал об этом Сталину, напросившись к нему на прием.

– Товарищ Сталин, сегодня мне отзвонился директор Ленинградского завода номер 174 товарищ Казаков. Он сообщил, что товарищ Новиков выполнил свое обещание и сделал прибор для электрической закалки стали, при этом качество стали повышается. Считаю, что товарищ Новиков на деле доказал, что он не краснбай и отвечает за свои слова. Если он действительно сможет в кратчайшие сроки разработать новый легкий танк с частично противоснарядным бронированием, то тогда можно будет на его основе приступить к разработке уже полноценного среднего танка с полностью противоснарядным бронированием и мощным оружием.

– Вы так уверены в Новикове, товарищ Павлов?

– Лично с ним я не разговаривал, но пока все, что он обещал, он сделал. Да и его анализ танков показывает, что он действительно очень серьезно относится к своей работе и разработке танков в частности. Я хочу вызвать его в Москву, в свое управление, и спокойно и без спешки с ним поговорить.

– Хорошо, вызывайте его, а потом привезете его ко мне, он меня тоже заинтересовал. Все же он еще слишком молод для своих предложений, так что будет интересно на него посмотреть и поговорить с ним.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

Вернувшись к себе в управление, Павлов велел секретарю соединить его с директором Ленинградского завода имени Ворошилова. Хотя уже приближался вечер, но Казаков был еще в своем кабинете. Он как раз собирался уходить домой, когда внезапно на его столе зазвонил телефон.

Сняв трубку, он услышал:

– Добрый день, товарищ Казаков, это вас Павлов беспокоит. Пожалуйста, пришлите мне вашего Новикова. И пускай он с собой прихватит чертежи своего танка, хотя бы то, что он уже успел сделать. Судя по его упорству, он наверняка ими занимается в свое свободное время.

– Хорошо, товарищ Павлов, я немедленно пошлю в кассы за билетом и извещу Новикова. Завтра он уже будет в Москве.

– Пускай едет прямо ко мне в управление. Там и переночует, если поздно приедет, я предупрежу на проходной.

Я только приехал домой, как зазвонил телефон. Да, в нашей квартире был телефон. Знаю, что это было редкостью в то время, нам просто повезло: телефонизировали еще перед революцией. Мне звонил директор, лично. К чему такая честь, я узнал сразу, а в первый момент сильно удивился: вроде с показом прибора все прошло нормально, и с директором я нормально расстался, а тут он вдруг мне звонит вечером домой.

– Новиков! – услышал я в трубке голос Казакова. – Немедленно собирайся и будь готов завтра выехать в Москву, с тобой хочет встретиться генерал Павлов. С собой захватишь все наработки по своему танку. В Москве езжай прямо в Автобронетанковое управление, о тебе там будут знать. Если будет уже поздно, то там и переночуешь. Все понятно?

– Николай Степанович, а билет на поезд? Когда он отправляется?

– Билет на поезд тебе привезут на дом, тогда же сообщат и время отправления поезда. У тебя всё?

– А чертежи? Они сейчас у меня все на заводе хранятся.

– Ох, Новиков! Скажешь водителю, чтобы он тебя на завод отвез.

– А обратно? Все же уже поздно будет.

– Новиков! Тебе никто не говорил, что твоя наглость родилась раньше тебя?

– Нет, Николай Степанович, вы первый.

– Ладно, черт с тобой, пускай тебя потом и домой отвезет. А насчет вокзала даже и не заикайся! Сам на вокзал поедешь, чай, не барин какой.

Вот такой разговор у меня вышел с нашим директором, и судя по всему, он уже на меня не сердился, иначе фиг бы меня на машине возили на завод и обратно. Билеты мне действительно привезли через час, а поезд на Москву уходил рано утром и приходил в 17.00. Шанс застать Павлова на рабочем месте у меня был, но если не успею, и он уже уедет, то тогда мне придется ждать утра.

Рано утром я отправился на Московский вокзал, к счастью он был не слишком далеко от моего дома. Я спокойно сел на поезд и доехал до Москвы. Практически всю дорогу я просмотрел в окно. Вроде уже не маленький, но нравится мне смотреть в окно поезда, глядя на проплывающие за окном пейзажи, в основном, разумеется, леса. Это как-то успокаивало меня, вот я и отдыхал душой, тем более перед очень важным разговором. Если мне удастся сделать Павлова своим союзником, то моя задача значительно облегчится.

В управление я приехал в 6 вечера и, к моему счастью, Павлов еще был на месте. Секретарь доложил обо мне, и Павлов меня принял.

– Вот, значит, вы какой, товарищ Новиков.

– Какой такой?

– Молодой.

– Ну, это нестрашно. Говорят, этот недостаток со временем проходит.

– Я смотрю, чувство юмора у вас тоже есть.

– Пока не жаловался. Извините, но как мне к вам обращаться: товарищ Павлов или товарищ комкор?

– Человек вы не военный, так что можете товарищ Павлов или вообще по имени-отчеству.

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич, тогда и вы можете ко мне обращаться просто по имени: все же вы значительно меня старше.

– Договорились, – усмехнулся Павлов. – Страх перед начальством, я смотрю, у тебя тоже нет.

– Это плохо, Дмитрий Григорьевич?

– Как сказать, иногда может подвести. Но давай перейдем к делу. Я хотел бы поподробнее изучить чертежи танка.

– Дмитрий Григорьевич, пока готовы, так сказать, представительские чертежи. Как танк будет выглядеть, его примерное устройство. Пока еще без точных размеров, так как возможны варианты.

– Ничего, показывайте.

Я достал из тубуса, принесенного с собой, нарисованные на большом листе ватмана наброски танка. Он был нарисован со всех проекций с указанием примерных размеров. Еще раз изучив проект танка, Павлов, судя по всему, остался доволен.

– Вполне неплохо, Олег. Честно говоря, я и думать не мог, что такой молодой специалист, как ты, который и двух лет не проработал конструктором, сможет предложить такой проект.

– Просто я с самого детства увлекаюсь танками, причем не просто теми, что уже построены, но и пытаюсь придумать свой танк. Причем не просто так, а чтобы он был удобен экипажу. Кроме того, я прикидывал и тактику применения танков и сопутствующей ей бронетехники. Тут пока наброски легкого танка, но основной упор надо делать на средние танки с полноценным противоснарядным бронированием. Еще необходимы и тяжелые танки, как штурмовые, для прорыва хорошо укрепленной обороны противника.

– А ну-ка, что еще за сопутствующая бронетехника?

– Я прикидывал тактику действия танков в разных ситуациях. Наиболее сильны они в поле, на открытых участках, это если они атакуют. Хуже действуют в лесу, а городские бои вообще для танков крайне тяжелы.

– Почему?

– В поле у танкистов наилучший обзор, в лесу он более ограничен, а в городе, если противник хоть немного подумает и не струсит, то он достаточно легко сможет сжечь все танки без особых усилий.

– На основании чего ты, Олег, сделал такие выводы?

– В любом городе достаточно легко можно найти пустые бутылки, бензин и масло. Соединяем это все вместе, делаем простой фитиль из куска веревки и занимаем позицию на крыше дома или его верхних этажах. При некоторой сноровке попасть такой бутылкой сверху в достаточно медленно едущий танк не очень сложно. Танки, конечно, сильный род войск. Только, во-первых, их надо правильно применять, а во-вторых, с ними надо правильно взаимодействовать. Я, конечно, не военный, но, Дмитрий Григорьевич, представьте себе такой танковый батальон. В составе батальона 30 танков, по 10 машин в трех ротах, 8 или 9 противотанковых самоходок...

– Это еще что такое?

– Вот смотрите. – Я достал из тубуса еще один лист ватмана с чертежами легкой противотанковой самоходки. – Ведь батальону все равно необходимо усиление, а так вместо обычных противотанковых орудий они получают противотанковые самоходки. Либо две четырехорудийные батареи, либо три трехорудийных взвода.

– Но ведь противотанковая пушка будет значительно дешевле, чем самоходка.

– Дмитрий Григорьевич, слышали поговорку «жадный платит дважды»? Давайте разберем простейший бой. Противотанковые орудия, конечно, стоят значительно дешевле самоходки, вот только в бою их значительно легче уничтожить. Рядом разорвавшийся осколочно-фугасный снаряд или мина гарантированно выведут из строя или уничтожат как орудийный расчет, так и само орудие. Кроме того, для каждого орудия необходима машина, а она тоже стоит денег. А обучение расчета? А то, что потери среди простых орудий будут значительно больше, чем среди самоходок, в конечном итоге сведет всю экономию к нулю. Но продолжим. Командиру батальона требуются две машины: одна КШМ на гусеничном ходу...

– Что за КШМ?

– Командно-штабная машина или, если проще, передвижной, или мобильный штаб. Выдвижная, как на подлодках, стереотруба, мощная рация и небольшой телефонный коммутатор. Внутри закуток для радиста-телефониста, стол для работы с картами и несколько сидений. Из такой машины командир легко сможет управлять боем чуть ли не с передовой, и необходима она начиная с батальонного уровня хотя бы в танковых войсках, в пехоте с полкового, но лучше тоже с батальонного. Кроме этого, обычная легкобронированная машина для командира, как его транспорт. Девять самоходных зенитных установок на колесном или гусеничном ходу, три бронемшины разведки и рота десанта. Это необходимый минимум для танкового батальона, и только в такой конфигурации он будет наиболее эффективен.

– Ну ты и наговорил. Особенно про колесные и гусеничные бронетранспортеры. Где это все взять?! Да и разноплановой техники много получается.

– Немного, по большому счету всего три вида.

– Как три вида?

– ЕБП! Единая боевая платформа! Возьмем мой танк: если на нем вместо башни сварить боевую рубку, то получится самоходка. Взаимозаменяемость деталей и агрегатов полная! С колесными бронетранспортерами легче всего: они по сути уже есть, это грузовики. Грузовик строится на обычной раме, именно на нее навешивают двигатель, ходовую и все остальное. Надо просто спроектировать несущий бронекузов, и всё. Автомобильный завод может это сделать в течение месяца, особенно если им дать эскиз бронекузова. Только делать их надо полноприводными и односкатными, а колеса делать больше и шире.

Точно так же можно сделать на автомобильном заводе легкие гусеничные бронетранспортеры широкого ассортимента. На базе двухосных бронетранспортеров – собственно командирская машина и дозорно-разведывательная с пулеметной башней. На базе трехосной – десантная с пулеметной башней. КШМ на базе колесного бронетранспортера, санитарно-эвакуационная на 32 человека...

– На сколько?! Туда не влезет столько народа! Это тебе не автобус и даже не бортовой грузовик.

– Дмитрий Григорьевич, все влезет, вернее все влезут. Просто в кузове надо установить стеллажи, по которым будут на роликах вставляться носилки из металла. Четыре ряда в ширину, четыре ряда в высоту и два в длину, в итоге 32 места для лежачих раненых. Понятно, что они там будут как кильки в банке, зато сразу три десятка раненых, причем в пуск и слабо, но бронированной машине. По крайней мере, защитит от осколков и большинства пуль при обстрелах. По этому же принципу, но немного с другими стеллажами – транспортно-заряжающая машина для доставки топлива и боеприпасов во время боя в части. Больше шансов донести это во время боя и под огнем противника.

Далее. С открытым кузовом будет зенитная, там на выбор: или спарка 1267-миллиметровых пулеметов, или спарка 20-миллиметровых авиапушек, или одна 37-миллиметровая пушка. Также в открытом кузове можно установить 82-миллиметровый миномет, но лучше разработать более мощный, от 100 миллиметров и больше. (Я прекрасно знал, что такой крупнокалиберный миномет ПМ-38 в 120 миллиметров будет разработан в следующем году.)

Вот вам навскидку восемь вариантов колесных бронетранспортеров, которые можно выпускать на единой базе. Различия только в бронекорпусах и вооружении, плюс небольшая разница в трансмиссии. Практически такие же варианты можно сделать и на гусеничном ходу. Легкая противопульная броня и практически полная взаимозаменяемость всех запчастей и агрегатов, что значительно упростит их ремонт в процессе эксплуатации, особенно в боевых условиях.

– Это, конечно, хорошо, вот только боюсь, что наша автомобильная промышленность не потянет массовый выпуск этой бронетехники. Ее ведь потребуется очень много, не тысячи, а десятки тысяч единиц, если не сотни тысяч.

– Есть у меня на этот счет одна задумка, вот только это уже не только не мой уровень, но даже и не ваш. Такое сможет решить только товарищ Сталин.

– Вот завтра и предложишь ему это.

– Не понял?..

– А что тут непонятного? Завтра встретишься с товарищем Сталиным и сам ему скажешь про свою задумку.

– Это так быстро можно попасть к товарищу Сталину на прием?

– Нет, просто он сам хотел на тебя посмотреть. Вот и расскажешь ему, как нам, по-твоему, можно увеличить выпуск бронетехники.

Я, несколько ошарашенный, смотрел на Павлова: ни фиги себе тут девки пляшут по четыре штуки в ряд. Я тут думаю, как мне плавно подвести разговор к необходимости встречи лично с товарищем Сталиным, а тут уже, как говорится, все сделано до нас. Вот это мне подфартило. Теперь только бы заинтересовать Сталина своими аналитическими прогнозами, тогда можно будет сделать очень многое, а не только подтолкнуть производство новых образцов бронетехники.

– Так, Олег, сейчас получишь у моего секретаря направление в гостиницу, она, кстати, недалеко отсюда. А кроме того, я тут подумал, тебе ведь придется мотаться по многим нашим оружейным заводам, раз ты хочешь на свои танки и бронетранспортеры новое вооружение. Думаю, как военному тебе будет лучше с ними разговаривать, а потому завтра к 10 утра приедешь сюда в кадры и получишь удостоверение и все полагающееся тебе как командиру. Пока, так сказать, авансом получишь звание воентехника второго ранга. Если успешно пройдешь со своим танком госприемку, то получишь воентехника первого ранга, а там посмотрим. Судя по твоим задумкам, у тебя еще много чего есть, вот и будешь расти в звании по мере принятия на вооружение новых видов бронетехники.

Всё, на сегодня хватит. Сейчас дуй к моему секретарю за направлением в гостиницу, ее адрес он тебе скажет, а завтра сюда за документами. И возможно, завтра тебя вызовет товарищ Сталин, а потому после трех часов дня чтобы был в гостинице. Всё ясно?

– Да, Дмитрий Григорьевич, всё ясно.

– Тогда иди. И да, подождешь у секретаря, пока я ему дам распоряжение насчет тебя.

Когда Новиков вышел из его кабинета, Павлов сначала позвонил своему секретарю и велел ему в срочном порядке оформить Новикова как воентехника второго ранга с выдачей ему всего положенного.

Нет, Новиков определенно талантлив. Как он расписал единую боевую платформу для разной бронетехники, а какая это экономия времени и сил получается. К тому же своей командировки в Испанию Павлов понял, что армии нужны мощные средние и тяжелые танки

с противоснарядной броней. Но он сам не инженер, а тут ему прямо в руки попал инженер, который думает, как и он. Если правильно разыграть эту карту, то можно получить значительные преференции, а поэтому надо держать этого Новикова поближе к себе, включив его в свою команду.

Глава 4

8 сентября 1937 года, Москва

Вчера весь вечер я думал, что это было – почему Павлов решил присвоить мне воинское звание. Его заявление, что так мне будет легче находить общий язык с военными, на мой взгляд, простая отговорка. Это ведь палка о двух концах: до этого военные не могли на меня давить, а теперь я вынужден учитывать воинскую субординацию. Какое у меня звание? Считай, самое низкое, рядовой состав я во внимание не принимаю. Если раньше я мог, если так обстоятельства сложатся, просто послать какого дуболома в лампадах подальше, пешим эротическим маршрутом в дальние леса, то теперь это будет несколько проблематично, ведь субординацию никто не отменял. Вот до сих пор и гадаю, к лучшему это или к худшему.

Нет, Павлова понять можно: он создает свою команду, и я для нее отличная кандидатура. Молодой и энергичный, перспективный конструктор, предложивший новую концепцию бронетехники и вполне могущий воплотить все свои задумки в жизнь. По мнению Павлова, такой человек вполне подходил для его команды, да и Сталин, похоже, мной заинтересовался. Ведь не зря он меня к себе вызвал, значит смог я его заинтересовать. И если у меня все срастется, то и Павлов будет на хорошем счету, а там, глядишь, и еще себе очки в глазах вождя заработает.

А с другой стороны, думаю, мне воинское звание кое в каких делах поможет, так что, наверное, плюсы все же перевешивают минусы. В конце концов все имеет свою цену, а это не такая большая цена.

Утром, после завтрака, я сразу поехал в управление к секретарю Павлова. С вызванным им человеком я за пару часов обошел несколько кабинетов, причем начали мы с фотографа, где мне дали надеть для фотографии подходивший мне по размеру китель. В пустые петлицы вставили необходимое количество кубиков, и так фотограф меня сфотографировал на удостоверение и для личного дела.

Затем был марафон по кабинетам, написание автобиографии, подпись нескольких документов, и в конце я получил на руки командирскую книжку и накладные на склад для получения формы (летней, слава богу, зимнюю я уже должен был получить дома, в Питере) и оружия. На складе я выбрал себе ТТ. Во-первых, он мне больше нравился, чем наган, а во-вторых, были у меня насчет ТТ кое-какие планы. Впрочем, не только насчет его.

К тому моменту, как меня вызвал прибывший в управление Павлов, я был нагружен, как мул. Выданный мне на складе кладовщиком по доброте душевной старый солдатский сидор был набит под завязку. Нательное белье, повседневная и парадная форма, сапоги, ремень с кобурой и пистолетом. Все это набилось в сидор: я же не ожидал, что мне все сразу выдадут, и пришел в управление, можно сказать, с пустыми руками. У меня были только тубус и портфель с чертежами, а туда все выданное вещевое довольствие не засунешь.

– Ну что, оформился в кадрах?

– Да, Дмитрий Григорьевич, оформился. Мне даже сразу все вещевое довольствие всучили вместе с оружием, я даже не ожидал такого.

– Вот лизоблюды. Ладно, через три часа нас с тобой в Кремле ждет товарищ Сталин. Сейчас сходим в нашу столовую, пообедаем, а то неизвестно еще, на сколько мы с тобой задержимся в Кремле. Свои шмотки оставишь пока у меня, потом заберешь, когда вернемся.

Столовая в управлении оказалась очень даже неплохой, и выбор блюд приличный, и стоило недорого. Мы с Павловым, плотно пообедав, вернулись к нему в кабинет, где он пораспрашивал меня о моем видении бронетехники будущего.

Время пролетело незаметно, и скоро я в машине Павлова уже ехал в Кремль. Хорошо, что мне не надо было тащить выданное имущество с собой. Я был налегке, только с тубусом и портфелем с чертежами.

На входе нас тщательно обыскали люди Власика, а затем проводили в приемную Сталина. Павлов прекрасно тут все знал, а я с любопытством осматривался, мне даже не надо было разыгрывать удивление и интерес. В приемной я увидел секретаря Сталина, Поскребышева; ранее я видел его только в фильмах да в нескольких статьях в интернете, а тут увидел вживую.

В приемной мы не задержались, и нас сразу проводили в кабинет Сталина.

– Проходите, товарищи, присаживайтесь, – раздался чуть глуховатый голос вождя. Сам он сидел за столом, и его знаменитой трубки я в его руках не увидел. – Так вот вы какой, товарищ Новиков. Молодой, энергичный и не боящийся отстаивать свое мнение. Тут товарищ Павлов мне вчера коротко рассказал по телефону о ваших идеях, я хотел бы выслушать их из первых уст. Рассказывайте, товарищ Новиков, свои идеи, мысли и не бойтесь нас. Мы видим, что вы стараетесь на благо нашей общей Родины, и если вы где ошибаетесь, то мы вас поправим.

– Добрый день, товарищ Сталин, спасибо вам за оказанное мне высокое доверие, постараюсь не подвести вас и Родину. Если кратко, то, как я говорил ранее, я с самого детства интересовался танками, отсюда мой интерес ко всему, что с ними связано. Я, конечно, не военный...

Тут сидевший рядом со мной Павлов кашлянул. Заметивший это Сталин спросил:

– Товарищ Павлов, вы что-то хотите сказать?

– Да, товарищ Сталин. С сегодняшнего дня товарищ Новиков является воентехником второго ранга, так что он больше не гражданский.

– Что же вы, товарищ Новиков, вводите нас в заблуждение? – усмехнулся Сталин.

– Прошу прощения, товарищ Сталин, просто еще не осознаю этого. Да и по большому счету военный из меня аховый: никакого профильного военного образования у меня нет. Так, гражданский шпак в форме.

– Но это ведь не помешало вам думать о развитии танков и другой бронетехники, товарищ Новиков?

– Нет, товарищ Сталин, не помешало. И не только о самой технике, но и о сферах ее применения и тактике использования.

– И что вы надумали?

– Что, во-первых, танки нам нужны разные, а во-вторых, хоть танки и являются отдельным видом войск, но в чистом виде они чересчур уязвимы.

– Это как?

– Танки связаны большим количеством ограничений. Это не очень хороший обзор изнутри боевой машины, когда имеется много слепых зон; ограничение углов наводки орудия и пулеметов, когда не всегда можно навести оружие на противника; ограничение в проходимости, зависимость от топлива и боеприпасов и, наконец, просто невозможность безопасно отдохнуть. Все это говорит, что необходимо кроме самих танков иметь в танковом подразделении дополнительную специализированную технику для транспортировки топлива и боеприпасов и танковый десант.

– А что вы, товарищ Новиков, говорили про разные виды танков?

– Про, так скажем, их вид и специализацию. Сейчас, с нынешним уровнем развития техники и вооружения, нам необходимы три вида танков. Первый – это легкие танки вроде предложенного мной ЛТ-1. Маневренные, подвижные, имеющие легкую противоснарядную броню, орудие в 60–76 миллиметров и вес до 20, максимум до 21–22 тонн. Эти танки нужны для ведения разведки, сопровождения собственных транспортных колонн, борьбы совместно со своими тыловыми подразделениями с диверсионными группами противника, а также для рейдов по тылам противника, когда не ожидается сильного противотанкового сопротивления и наи-

более важны именно скорость и маневренность. Нам требуется порядка 30 процентов таких танков.

Второй вид танков – это средние танки, главные трудяги войны. Полноценное противоснарядное бронирование, достаточно хорошая маневренность и проходимость, орудие калибра в 76–85 миллиметров и вес порядка 30 тонн, максимум 32–33 тонны. Именно такие танки будут ходить в атаки и вести основные боевые действия, их необходимо иметь половину от всего нашего танкового парка. Средние танки должны хорошо держать минимум на средней дистанции все стандартные противотанковые орудия противника и танковые орудия легких и средних танков.

Наконец, третий вид – это тяжелые штурмовые танки прорыва. Они нужны как для прорыва вражеской обороны, так и в собственно своей обороне, когда надо предотвратить вражеский прорыв. Хорошо забронированные, они должны на ближней дистанции держать все виды противотанковых и танковых орудий потенциального противника и вооружены орудиями калибра в 100–122 миллиметра. Вес порядка 40 тонн, максимум 44–45 тонн, и их необходимо порядка 20 процентов.

Это то, что касается непосредственно самих танков. Кроме них, нам необходимы самоходные орудия, их тоже три типа.

Тип первый – легкие. Это пехотные самоходки поддержки пехоты с легким, противопульным бронированием и 76-миллиметровым орудием. Держась в бою позади, они поддерживают пехоту своим огнем, уничтожая выявленные огневые точки противника, полевые фортификационные сооружения и легкую бронетехнику противника. Атаки только как средство поддержки во втором эшелоне атакующих. Кроме нее еще необходима легкая противотанковая самоходка, уже с дифференцированным противоснарядным бронированием...

– Каким бронированием?

– Дифференцированным: с мощной лобовой броней и достаточно тонкой бортовой для снижения веса самоходки. Эти самоходки будут как среди пехотных частей, так и среди танковых как средство усиления. Орудия калибра в 60–76 миллиметров, вес порядка 20 тонн.

Тип второй – тяжелые. Тоже двух видов: тяжелая противотанковая, уже с нормальным бронированием и орудиями калибра в 85–100 миллиметров. Кроме них необходимы тяжелые штурмовые самоходки для прорыва мощных оборонительных сооружений противника.

Товарищ Павлов, скажите мне, пожалуйста, сколько надо тяжелых снарядов и бомб для уничтожения хотя бы нескольких бетонных дотов?

– Я не могу сказать точно. В каждом конкретном случае надо учитывать особенности дотов: какой цемент, какова толщина стен и крыши. Кроме того, какова зенитная оборона и уровень мастерства наших летчиков и артиллеристов.

– Значит, много и без гарантии успеха. Теперь представляем себе, что против каждого артиллерийского дота противника находится минимум по две штурмовые самоходки с орудиями калибра в 122–152 миллиметров. Какие в основном орудия устанавливаются в таких дотах?

– У нас 45–76 миллиметров.

– Не думаю, что у других стран это сильно отличается. А теперь штурмовая самоходка выходит на дистанцию прямого выстрела, не обращая внимания на огонь орудий дотов, так как они не могут пробить ее лобовую броню, и затем стреляет прямой наводкой по амбразуре. Тут даже не нужны бетонобойные снаряды, достаточно обычных фугасных. Если стволы орудий или пулеметов выступают из амбразур, то тогда достаточно просто попасть рядом; если в глубине, то думаю, хотя бы пятым-шестым выстрелом они попадут в амбразуру.

И наконец, тип три – самоходная гаубица. Главный недостаток обычных гаубиц – это низкая маневренность. При наличии звукометрической или авиаразведки такая батарея после открытия огня быстро попадет или под контрбатарейный огонь, или под бомбардировку. Само-

ходная батарея, дав пять-шесть залпов, просто сразу сменит позицию, и пока противник сможет открыть ответный огонь, батарея уже сможет занять другую позицию. Достаточно просто, чтобы артиллерийская разведка наметила несколько позиций и маршруты движения к ним. Кроме этого, необходим и ряд других бронированных машин, как для пехоты, так и для механизированных частей.

Достав наброски, я по новой рассказывал уже для Сталина то, что вчера объяснял Павлову, а в заключение сказал, пожалуй, самое главное, ради чего я и хотел встретиться с вождем.

– А самое главное, товарищ Сталин, у нас есть не больше пяти лет для производства новой техники.

– Почему не больше пяти лет, товарищ Новиков?

– А потом будет война.

– Почему вы так решили, товарищ Новиков?

– Согласно Версальскому договору Германии запрещено иметь армию, разрабатывать и производить самолеты, бронетехнику и корабли. По этим причинам немецкие военные активно сотрудничали с нами, но после того, как к власти там пришел Гитлер, сотрудничество свернули. Сама политика Гитлера ведет к реваншу, а Франция и Англия на это никак не реагируют. Это показывает, что они снова хотят половить рыбку в мутной воде.

Самое простое – это опять натравить Германию на нас. Правда немцы пока достаточно слабы, значит надо дать им усилиться. Думаю, первым шагом Гитлера будет присоединение к Германии Австрии: типа один народ, один язык, одно государство. Далее, в Чехословакии, в Судетах живет много немцев, значит их тоже надо присоединить. А учитывая, что у чехов довольно сильная промышленность, то Гитлеру это вполне позволят сделать.

– Товарищ Новиков, но ведь сейчас у нас нет общей границы с Германией.

– И что? Если нет сейчас, то не значит, что не будет в будущем. Между нами Польша и страны Прибалтики. Немцам просто надо захватить Польшу. При этом, думаю, они сделают нам очень щедрое предложение – отдадут нам Западную Украину и Белоруссию, которые поляки захватили в двадцатых годах. Кроме того, они отдадут нам Прибалтику. Гитлер не дурак и понимает, что мы не сможем допустить, чтобы он занял Прибалтику. А к войне с нами он пока не готов и потому пойдет на уступки, даже если они ему не нравятся.

– А как же Франция? У нее ведь с Польшей договор, и французы должны будут объявить Германии войну, если немцы нападут на Польшу.

– Обещать не значит жениться. Ну объявят французы немцам войну, и что? Объявить войну вовсе не означает ее действительно начать. Пока французская армия будет не спеша мобилизовываться, готовиться и так далее, немцы успешно разгромят поляков, и тогда французы разочарованно разведут руками – ну не успели мы. Вот после Польши, даже уже имея с нами общую границу, Гитлер все равно сразу к нам не полезет, ему до этого еще надо будет разобраться с французами. Пример Империалистической войны у него перед глазами, и он ясно будет знать, что как только он основательно увязнет в борьбе с нами, так французы и англичане нанесут ему удар в спину. Сильная Германия им не нужна, а как только Гитлер выполнит то, что они ему предназначили, так его сразу попытаются нейтрализовать.

Исходя из этого, точкой отчета для нас является захват Гитлером Польши. Следующий год – захват Франции для обеспечения себе спокойного тыла, и только после этого нападение на нас. Так что год захвата Польши плюс два года – это ориентировочный срок начала войны. Причем вторгнется к нам Гитлер в период с начала мая по конец июня, когда просохнут дороги после весенней распутицы и до начала осеннего бездорожья.

– Товарищ Новиков, а как же французская линия Мажино? Вы думаете, что немцы смогут ее так легко прорвать?

– Нет, товарищ Сталин, тут просто зашоренность взгляда и привычные стереотипы. Если воюют с Францией, то и наступать будут исключительно по линии немецко-французской гра-

ницы. Линия Мажино тянется только вдоль французско-немецкой границы, а что помешает немцам ударить не в лоб, пытаясь прорубить в французских укреплениях проходы и теряя свои войска, а во фланг укрепрайона, через Голландию и Бельгию?

– Но ведь они не воюют?

– И что с того? Гитлеру нужна вся Европа, так что тут он просто соединит приятное с полезным. Обойдет линию Мажино и попутно захватит Бельгию и Голландию.

Да, мне было достаточно легко выдавать Сталину аналитический прогноз, доподлинно зная, что произойдет в мире, но по-другому я просто не мог. Скажи я, что вернулся из будущего сам в себя, и меня запрут в психушку. А так можно было донести до Сталина события, которые должны произойти, и как только они начнут сбываться, то он поверит и во все остальное.

– Времени у нас осталось не так много – от четырех лет при самом неблагоприятном для нас раскладе до шести-семи лет при самом благоприятном. За это время мы должны полностью перевооружить нашу армию на новую технику. Кстати, каждому танку или самоходке необходимы крупнокалиберный пулемет, как зенитный, и рация: без них они значительно потеряют в своей боевой ценности.

Представьте себе: раций нет – значит, и связи между танками нет, а как тогда руководить своим подразделением в бою? Флажками, как сейчас принято? У меня прямо перед глазами стоит такая картина: впереди на лихом танке мчится в атаку командир батальона; стоит он в башне своего танка и управляет всем флажками, а за ним роты его батальона. Причем командиры рот также впереди своих танков стоят в башнях, а за ними – командиры взводов. Иначе, если командиры сзади, как, в принципе, и положено быть для нормального управления боем, то их сигналы никто не увидит. Хотя если командиры танков будут смотреть не вперед, выискивая врага и ведя с ним бой, а назад, чтобы видеть приказы своих командиров, то тогда да, можно и сзади управлять боем.

И много они так навоюют? Или получают указания перед боем, а потом все, каждый, как говорится, сам за себя? И так, кстати, обстоит не только в танковых войсках, но и в авиации, а она не менее важна, чем танки. Без надежного прикрытия танков авиацией ни о каких успешных действиях можно и не мечтать: наши танковые колонны просто разбомбят с воздуха, и мы будем нести большие потери, даже еще не войдя в соприкосновение с противником.

– Невеселую картину вы себе представили, товарищ Новиков.

– А так, товарищ Сталин, по сути сейчас и есть. И пока мы не радиофицируем каждый танк, каждую самоходку, так и будет. Чтобы такого не было, нам надо как минимум на танках обычных бойцов устанавливать хотя бы просто приемники, а передающие станции от командиров взвода и выше, а в идеале полноценная рация должна быть на каждой машине. Вот заметил экипаж обычного танка или самоходки противника и может сразу доложить об этом своему командиру. От этого зачастую зависят не только наши потери, но даже выиграет подразделение бой или нет.

– Вы, несомненно, правы, товарищ Новиков. Но вы представляете, сколько нам потребуется пулеметов и раций для этого? И где это все взять? Да и для производства бронетранспортеров нужен как минимум еще один автомобильный завод.

– Товарищ Сталин, есть один вариант. Правда, он вам скорее всего не понравится. Но другой возможности в ближайшие два-три года получить так необходимые нам заводы и технологии просто нет, или по крайней мере лично я такой возможности не вижу.

– И что это за вариант такой?

– Концессии и совместные предприятия с иностранными компаниями. Будь у нас другая возможность, я бы даже заикаться об этом не стал, но мы просто проигрываем по времени, мы не успеем вовремя построить все нам необходимое сами. Как правильно говорил товарищ Ленин, за большую прибыль капиталисты продадут нам даже веревку, на которой мы их потом повесим.

У нас в Сибири есть золотые месторождения, часть открыты, часть нет, но даже открытые не везде разрабатываются: не хватает людей и сил для этого. Месторождения просто стоят и ждут, когда наконец мы сможем начать их разрабатывать, а учитывая то, что зачастую рядом нет никаких поселений, то и добираться туда очень проблематично. Но это сейчас и для нас, а вот западные капиталисты ради получения хорошей прибыли пойдут на всё, и отсутствие дорог их не испугает. Можно заказать в Америке так необходимые нам производства, причем вместе с лицензиями на машины, двигатели, радиостанции и другое необходимое нам, а в качестве оплаты предложить американцам два варианта.

Вариант первый: они все оценивают по полуторной цене, можно даже по двойной, и начинают нам все поставлять и строить производства у нас, желательно на Урале, подальше от границ. В качестве оплаты мы предлагаем им золото, только это золото надо будет добыть. Пока мы не погасим стоимость всего заказанного, вся добыча с таких, разрабатываемых совместно с американцами приисков, идет им. Мы, кроме получения заводов, оборудования и технологий, получаем в итоге еще и работающий прииск и дороги к ним, ведь это все по сути построят американцы, просто наняв для этого часть наших рабочих, а технику для строительства они привезут с собой. Мы в любом случае выигрываем и экономим массу так необходимого нам времени.

Вариант второй: можно заключить с ними договор на десять лет, что половина всей добычи с этих приисков идет им в качестве оплаты долга. Если сумма добытого превысит стоимость заказа, то это будет дополнительная прибыль американцам. Если не хватит, то тогда они будут получать добываемое золото, пока мы не погасим долг. Но думаю, что американцы под это дело запросят как минимум десяток приисков, в расчете на то, что они минимум лет за пять окупят свои затраты, и остальное пойдет им в прибыль. И даже в этом случае мы все равно остаемся в плюсе. Необходимые производства и технологии мы получим, а кроме того, прииски, оборудованные по последнему слову техники. Ведь иначе нельзя добиться максимальной выработки, а американцы постараются выжать все, чтобы получить максимально возможный доход. Ну и опять же дороги к приискам: как иначе завозить туда оборудование, а потом вывозить оттуда золото.

Кроме того, у нас много сырья, но проблемы с его добычей и переработкой: для этого не хватает оборудования и специалистов. Можно создать совместные компании по добыче и переработке его у нас на Урале, а прибыль делить пополам. Нам крайне необходимы сталь и алюминий, а так у нас появится возможность частично закрыть этот дефицит. Я понимаю, что в этом случае большие объемы стали и алюминия уйдут на сторону, но вся беда в том, что нам они крайне необходимы сейчас, а не в обозримом будущем. Поэтому повторяю еще раз: у нас просто нет другого выхода, если мы хотим в кратчайшие сроки получить необходимое нам оборудование, лицензии и специалистов.

И есть еще кое-что, товарищ Сталин. Лет десять назад, в поезде, я случайно ночью подслушал один интересный разговор. Просто проснулся ночью, хотел снова уснуть, но тут меня заинтересовал разговор соседей. Разговаривали, как я понял, не то чтобы враги советской власти, но явно недолголюбивающие ее люди, которые ни при каких обстоятельствах не станут ей помогать.

Разговор шел о неизвестных открытиях в геологии в нашей стране, и мне запомнились два из них. Одно – это месторождение нефти в окрестностях города Бугульма в Татарстане, и второе – это месторождение алмазов в Якутии, на реке Далдын. Сначала я хотел рассказать об этом, когда приеду. А потом подумал, как придет, к примеру, в милицию мальчишка и скажет: «Дяденьки милиционеры, а я в поезде слышал от двух дядь, что вот там есть нефть, а там алмазы, пошлите туда геологов». И как это будет выглядеть?

– А сейчас, значит, товарищ Новиков, это выглядит по-другому?

– Сейчас, товарищ Сталин, я не маленький мальчик, которого никто не будет слушать. И тот подслушанный случайно разговор мне не послышался и не приснился. Да, это, конечно, звучит очень неправдоподобно, но разве наши геологи не отправляются каждый год в экспедиции для поисков полезных ископаемых? Почему их просто не направить с проверкой в эти места? Насколько я слышал, геологи в экспедициях постоянно расспрашивают местных жителей о разных местах, о всем необычном. Ведь если эти двое не врал, то мы получим месторождение нефти и алмазов, а они нам крайне важны и необходимы.

К тому же месторождение нефти в глубине страны очень важно. Бакинские месторождения находятся в зоне риска: в случае войны с Англией они легко могут быть уничтожены. Да даже без всякой войны, англичане ведь не воевали с Данией, когда их флот под командой адмирала Нельсона сжег Копенгаген. Нам они гадят давно, и вполне могут просто так произвести налет на Бакинские нефтепромыслы. Зато если эти месторождения действительно есть, то для их разработки и последующей переработки нефти, при условии совместной добычи, американские фирмы поставят нам что угодно и в кратчайшие сроки.

Так что думаю, для нефтепромыслов можно не только добывающее оборудование заказывать, но и перерабатывающее, чтобы перерабатывать добытую нефть на месте и дальше транспортировать уже готовый продукт. Думаю, американцы тоже больше заинтересованы в конечном продукте. Раз переработка будет у нас, то их затраты на нее будут минимальны.

Сталин ненадолго задумался.

– Действительно, товарищ Новиков, тут надо хорошо подумать, так сразу и не скажешь.

– Будь у нас время, то я даже и не заикнулся бы о таком, да мне такое даже и в голову бы не пришло. Но Гитлер и подстрекающие его англичане ждать не будут. И промедление сейчас будет нам стоить в будущем больших денег, а главное, большой крови и жизней наших граждан.

– Я смотрю, вы не очень любите англичан.

– А за что их любить? За то, что они уже несколько веков нам гадят? За то, что мечтают превратить нашу страну в свою колонию? Англосаксы – это самая подлая и лживая нация в мире, и вообще, верить англичанам – себя не уважать. Англичане – истинные хозяева своего слова: захотели – дали его, а захотели – взяли обратно.

– Хорошо, товарищ Новиков, я вас понял. О вашем предложении мы подумаем, возможно будет иметь смысл принять его. Вот только почему о перспективных танках и другой бронетехнике и методах ее применения мне говорите вы, действительно, по сути, гражданский человек, а не военные. Товарищ Павлов, почему вы о таком не думали?

Павлов от неожиданности не знал, что сказать, и пришлось мне прийти ему на помощь. По сути, ведь мы получались теперь как симбионты: он нужен мне, а я – ему.

– Разрешите, товарищ Сталин?

– Вы хотите ответить за товарища Павлова?

– Можно сказать и так. Я уже говорил: все наши военачальники в основном мыслят категориями прошедших Гражданской и Империалистической войн. У них, можно сказать, закоренелый взгляд на происходящее, они пока плохо представляют себе все возможности современной техники, слишком быстро она ворвалась в нашу жизнь. Это я родился и вырос уже, можно сказать, в техническом мире, вот и думаю о новых возможностях техники, сферах ее применения.

А товарищ Павлов, кстати, тоже об этом думает. Может, пока еще недостаточно полно, но вчера мы с ним обсуждали необходимость разработки и постройки средних танков. Бои в Испании ему явно это показали в связи с недостаточной надежностью и уязвимостью наших легких танков. Для перестройки их взглядов просто необходимо пройти через несколько современных конфликтов, и тогда они сами начнут понимать, что надо менять тактику и стратегию.

– Хорошо, товарищ Новиков, я дам распоряжение, чтобы на вашем заводе вам выделили группу для разработки вашего танка. Сколько вам понадобится для этого времени?

– Около полугода, товарищ Сталин. Нарботки у меня есть, куда двигаться, я знаю, надо только все рассчитать и вычертить. Еще несколько месяцев потребуется для постройки опытных экземпляров, но тут я могу не успеть к сроку, если своевременно не будет разработано новое орудие для моего танка. Вооружать его старым 45-миллиметровым орудием я не хочу: оно уже практически устарело и скоро станет малоэффективным. Возможно, лучшим решением станет уменьшение до 60 миллиметров орудия Ф-22 под новую гильзу.

– Мы поручим товарищу Грабину разработку для вас нового танкового орудия.

– Спасибо, товарищ Сталин. Кстати, кроме танкового орудия на этой базе можно сделать и новую противотанковую пушку повышенной мощности. Я ведь говорил: никто не будет стоять на месте, и через несколько лет наши сорокапятимиллиметровые противотанковые орудия станут малоэффективными.

– Мы подумаем об этом. А сейчас, товарищ Новиков, подождите немного товарища Павлова в приемной.

Сталин явно дал мне понять, что аудиенция закончена, но и так я был очень доволен. Явно, что все сказанное мной не останется без внимания. Осталось только подождать, когда мои прогнозы начнут сбываться, и тогда Сталин более внимательно отнесется к предстоящим событиям.

А пока я вышел в приемную, устроился в уголке на стуле и стал дожидаться генерала Павлова.

Глава 5

Сталин смотрел в спину уходившему Новикову и думал, как такому молодому человеку пришло в голову все то, что он тут говорил. На первый взгляд это могло показаться полной чепухой, эти его прогнозы по вероятному развитию событий. Но если хорошенько вдуматься, то это казалось и не таким уж невозможным.

Все его собственные усилия по созданию коллективной безопасности в Европе не увенчались успехом. Франция и Англия как основные европейские страны или вообще не отвечали на его предложения, либо отклоняли их и вели собственную политику. Предположения Новикова о возможных путях развития в политике имели под собой все основания. А для проверки его выкладок надо только подождать, и тогда станет ясно, прав Новиков в своих прогнозах или нет.

Но главное, Новиков разработал новую концепцию бронетанковых сил, как, собственно говоря, пути развития техники, так и ее применения, и в этом его активно поддержал генерал Павлов, который имел непосредственный опыт ведения танковых боев в Китае и Испании. Что-то подсказывало Сталину, что Новиков его не подведет, да и его настрой на движение только вперед подтверждал это.

– Товарищ Павлов, какое у вас сложилось мнение о товарище Новикове?

– Только самое положительное, товарищ Сталин. Конечно, некоторые его идеи и выводы меня сначала шокировали, но потом я был вынужден согласиться с его мнением и выводами.

– Например?

– Например, можно взять его выводы по танку Т-35.

– А что с ним не так? Вроде хороший танк.

– А вот товарищ Новиков в несколько фраз доказал мне, что Т-35 – это тупиковый путь развития танков. И сам танк так себе: показывать его на парадах можно, пускать в бой нельзя.

– Почему?! – Сталина это задело. Для него танк Т-35 ассоциировался с мощью РККА, а тут его представили в виде всего лишь парадной игрушки.

– Я, когда только услышал его нелестный отзыв о Т-35, тоже вначале был в недоумении, но Новиков парой фраз доказал свою точку зрения. По его словам, хороший танк должен ассоциироваться с такими понятиями, как скорость, маневренность, броневая защита, огневая мощь и связь. Только танк, сочетающий в себе все эти понятия, может быть хорошим и позволит выигрывать сражения.

По словам Новикова, Т-35 из-за своего большого веса крайне неповоротлив, а кроме того, его можно использовать не на всех типах грунта: на слабом грунте он просто сядет на брюхо. Также из-за его большого веса его могут выдержать не все мосты, что сильно ограничивает возможности его применения. Далее, его бронирование не очень сильное, а потому, хоть он и считается танком прорыва, но достаточно сильно уязвим к противотанковым орудиям потенциального противника, а его большие габариты делают его превосходной мишенью. В итоге я был вынужден согласиться с выводами товарища Новикова. По его изысканиям, будущее за ОБТ – основным боевым танком, который будет сочетать в себе скорость и маневренность среднего танка с бронезащищенностью и мощностью тяжелого.

– А как же легкие танки?

– Легкие танки несколько видоизменяются и займут нишу техники поддержки и транспортировки пехоты. По его словам, они станут перевозить отделения бойцов и станут пригодны для транспортировки их тяжелой транспортной авиацией.

– Звучит фантастично.

– Согласен. Но как он сказал, двадцать лет тому назад «Илья Муромец» имел бомбовую нагрузку в 500 килограммов, а сейчас ТБ-3 имеет грузоподъемность в пять тонн, это ровно в

десять раз больше. А что будет через пять-десять лет, какую грузоподъемность будут иметь новые самолеты? Вес легкого танка будет в пределах 15–20 тонн, так что вполне реально лет через десять создать самолеты, которые смогут поднять такой вес, а десантировать эту технику с парашютами.

Но кроме этого, у товарища Новикова есть и другие идеи, например, создание единой боевой платформы. На ее базе можно создавать различные типы бронетехники, это значительно сократит и упростит ее создание. Как пример, его легкий танк с заменой на нем башни на боевую рубку, создание противотанковой самоходки. Это самое простое, а есть и варианты другой техники. При этом он вскрыл еще одну проблему, причем очень важную. Мы как-то не замечали ее, а он прямо акцентировал на ней мое внимание. Это несоответствие стандартов на технике разных заводов. Например, запчасти с одного завода не подойдут к аналогичной технике другого завода. Он указал на необходимость строжайшего соблюдения всех размеров на разных заводах, чтобы любая запчасть с любого завода подходила на любой танк или другую бронетехнику.

Сталин несколько минут просто молча расхаживал по своему кабинету, обдумывая услышанное. Все это было для него новым, и вскрытые вопросы действительно были важными, и тем было неожиданной, что они были подняты совсем молодым специалистом, можно сказать мальчишкой. Похоже, что он действительно не ошибся, решив дать возможность Новикову проявить себя и сделать свой танк. А Павлов тоже неплохо разбирается в этой теме и, судя по всему, нашел в Новикове единомышленника по созданию и внедрению новой бронетехники.

– Товарищ Павлов, есть мнение назначить вас командующим танковыми войсками с сохранением за вами должности начальника ГАБТУ. Судя по всему, из всех наших военачальников вы лучше всех разбираетесь в этой проблеме. Товарищ Новиков будет вам помогать. Как, не хотите взять его к себе своим заместителем?

Ненадолго задумавшись, Павлов ответил:

– Нет, товарищ Сталин, не хочу. Товарищ Новиков еще слишком молод, его никто не знает, и если я назначу его своим заместителем, то основная масса командиров примет его в штыки. Да и звание его слишком маленькое для этой должности. А вот сделать его своим советником и куратором разработки бронетанковой техники можно: тут он, мне кажется, будет на своем месте. Но по-любому сначала надо дождаться, когда он сделает свой танк, и только после этого, если его танк действительно окажется хорошим, можно будет вернуться к этому вопросу.

– Не возражаю. Подождем, пока товарищ Новиков сделает свой танк. Но по крайней мере со своим прибором по закалке электротоком он нас не обманул.

– Прибор одно, а танк – совсем другое. Но думаю, товарищ Сталин, что вы правы, и Новиков играючи справится с разработкой своего танка: больно много у него уверенности в этом, и кажется мне, что она основана не на пустом месте.

– Держите меня в курсе, товарищ Павлов. Как только Новиков представит свой танк приемной комиссии, сразу сообщите мне.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

Павлов вышел из кабинета, аккуратно закрыв за собой дверь, а Сталин стал еще раз прокручивать в голове прошедший разговор, и главный акцент он сделал на предложении Новикова по концессиям. По месторождениям нефти и алмазов было проще всего: послать туда экспедиции, ориентированные именно на поиск указанного, было делом нескольких дней. А вот с концессиями было намного сложнее. Главной проблемой были его соратники по партии, старые коммунисты, которые заостенели в своих догмах. Он уже избавился от многих, кто ставил ему палки в колеса, но все равно еще оставалось много влиятельных членов партии, которые могли создать ему оппозицию. Надо потихоньку подбирать на их место молодых, вроде

того же Новикова, кто не заостенел в догмах и для кого главное результат, а как его добиться, не так важно.

И ведь Новиков прав: другого пути, чтобы быстро построить так необходимые стране заводы и получить лицензии на необходимое оборудование и технологии, похоже, нет. Надо подумать, как лучше это сделать, и наверно, лучше всего будет представить это, как предложил Новиков. Не настаивать на этом решении, а предложить соратникам создать другой вариант, при котором мы сможем в течение пары лет построить необходимые заводы и получить лицензии на необходимые машины и технологии. А пока стоит поручить доверенному человеку подготовить сведения, у кого и что можно будет заказать в Америке.

Я сидел в приемной Сталина и ждал Павлова, благо ждать пришлось недолго.

– Пошли, Олег. Надо сказать, что ты произвел впечатление на товарища Сталина, он тобой доволен. Но сам должен понимать: не оправдаешь его доверия – можешь обо всем забыть.

– Прекрасно это понимаю, Дмитрий Григорьевич, и приложу все усилия для скорейшего создания танка.

Я сам в этом заинтересован в первую очередь. Только я ведь вам уже говорил, что сам корпус и трансмиссию я сделаю, а вот новое орудие: как с ним быть? Делать его с нуля долго. Я слышал, товарищ Грабин создал новую дивизионную пушку калибра 76 миллиметров, вот ее и взять, просто уменьшив калибр до 60 миллиметров, но оставив старую гильзу.

– Почему гильзу старую оставить?

– Для повышения мощности выстрела. Кроме того, меньше мороки с производством новой гильзы: только обжимать под снаряд больше будут, и всё.

– Да, практично и просто. Я завтра свяжусь лично с товарищем Грабиным и дам ему задание на разработку на основе его орудия танковой версии под меньший калибр.

– Дмитрий Григорьевич, у меня в портфеле лежат чертежи одной новинки. По моим прикидкам, она должна сама, чисто за счет разности давлений отсасывать после выстрела пороховой дым из орудия. Там ничего сложного нет. Передайте это, пожалуйста, товарищу Грабину, и пускай он поэкспериментирует с этим на орудии. В идеале это будет отсасывать пороховые газы после каждого выстрела из ствола орудия и самого танка при открытом казеннике. Штатного вентилятора может не хватить, или он может сломаться, поэтому это усовершенствование точно не будет лишним. Да, оно удорожает стоимость орудия, но в бою может спасти танк.

– Хорошо, передам. Мне самому интересно, сработает это или нет.

Ненадолго установилась тишина, а потом Павлов заговорил снова.

– Я должен тебя поблагодарить.

– За что, Дмитрий Григорьевич?

– Товарищ Сталин, с твоей подачи, назначил меня командующим танковыми войсками; теперь они все, в том числе и разработка новой техники, в моем ведении. Товарищ Сталин также предложил мне назначить тебя моим заместителем, но я от этого отказался. Вместо этого тебя назначат моим советником и куратором разработки бронетанковой техники. Ты, наверно, будешь обижаться на меня за это?

– Наоборот, Дмитрий Григорьевич, вы поступили абсолютно правильно. Назначение меня вашим заместителем было бы глубоко ошибочным: у меня пока нет необходимого для этого авторитета. А вот быть вашим советником и куратором разработки новой бронетехники – совсем другое, это как раз по мне. Так что все сделали правильно.

– Это хорошо, а то я немного боялся, что ты обидишься.

– Будь я глупее, обиделся бы, а так пока не по Сеньке шапка. И да, Дмитрий Григорьевич, поздравляю вас с новой должностью.

– Спасибо.

– Вот только забот и проблем у вас с этим значительно прибавится. Теперь надо разрабатывать новые уставы, а также тактику и стратегию применения бронетанковых войск и их взаимодействия с другими родами войск, иначе добиться от них максимальной эффективности будет нельзя. Главное, это надо помнить, что воюет не техника – воюют люди. И если командиры и экипажи не обучены, то они просрут любую технику, даже самую совершенную.

– А у тебя, как я понял, есть идеи по этому поводу?

– Есть.

– Тогда, как мой советник, напишешь мне в течение месяца докладную о том, как и что нам надо менять и как взаимодействовать. Справишься?

– Постараюсь. По крайней мере, распишу все, что я думаю по этому поводу, и, разумеется, с обоснованием, почему именно так, а не этак.

Вот так за разговором мы и доехали. В управлении я забрал свой вещмешок с формой и пистолетом, после чего, получив билеты на обратный поезд в Питер, сердечно попрощался с Павловым и отправился на вокзал.

В вагоне я устроился на верхней полке, положив вещмешок под голову. Доставать ТТ и везти его на себе я не хотел: могли возникнуть проблемы. Лучше было везти его в вещмешке, завернув с кобурой в выданную форму; тут, главное, следить, чтобы сам вещмешок не умыкнули. Разговаривать с соседями по отсеку вагона я не стал, хотя они и пытались меня втянуть в разговор.

Лежа на своей полке, я снова вспоминал прошедший день. На мой взгляд, он прошел просто отлично. Мало того что я смог рассказать Сталину, что должно произойти под видом своего анализа событий в Европе, так еще и общие направления в танкостроении, а также вариант получения из-за границы необходимых производств и технологий. Ну и напоследок месторождения нефти и алмазов. Не должно это все остаться без внимания, не тот человек Сталин, чтобы не прислушаться к словам человека, который его явно заинтересовал. Теперь осталось только ждать. Но думаю, что с геологическими экспедициями тянуть не будут. Вот с концессиями и совместными предприятиями намного сложнее. Хоть и говорит наша оппозиция, что Сталин тиран, но и он должен учитывать мнение своих соратников и других руководителей государства.

Ладно, это уже от меня не зависит. А вот прикинуть план действий на будущее, учитывая, что теперь я становлюсь советником Павлова и, скорее всего, стану определять дальнейшее направление в танкостроении, надо. Проблема в том, что я один не смогу охватить все направления: времени не хватит. А вести разработки надо будет параллельно. Значит, сейчас я делаю свой ЛТ, после его приемки Сталин с Павловым убедятся, что я понимаю в этом деле, и дадут зеленый свет на разработку новой техники.

Значит, не надо изобретать велосипед, а нужно просто немного подтолкнуть события. Тому же Кошкину на Харьковском заводе поручить разработку нового среднего танка. Вот только сразу указать ему, что и как надо делать, чтобы избежать детских болезней и делать не Т-34, а Т-43 сразу с орудием Ф-34 и трехместной литой башней и торсионной подвеской с поперечным расположением двигателя. А на Кировском заводе поручить Духову разработку КВ, только лоб ему спрямить и заменить 76-миллиметровую пушку на 85-миллиметровую. А на своем заводе озадачить Гинзбурга по созданию легких гусеничных самоходок и бронетранспортеров. На закуску остался Астров, ему поручу разработку колесных бронетранспортеров на Горьковском автозаводе. Все будут заниматься тем же самым, что они и так должны были сделать, только на несколько лет раньше. Да хотя бы делать не страшное угробщище БА-20, а более современный и более, скажем так, изящный БА-64.

А пока все будут делать свою работу, я модернизирую Т-28. Вполне неплохой танк, надо только было правильно его применять. И ведь для своего времени это был один из лучших танков в мире, и плевать, что он сделан на основе английского «Виккерс А6». На данное время это

практически идеальная БМПТ. Одна главная, орудийная башня и две дополнительных, пулеметных. Практически идеально заточенный под борьбу с пехотой противника танк. Сделать новый корпус по типу БМП, только более защищенный. Поменять подвеску на торсионную, изменить башню и заменить короткоствольное КТ-28 на ту же Ф-34, и пулеметные башни: сделать их необитаемыми и маленькими, с призматическим прицелом типа стереотрубы. Только ДТ придется доработать до ленточного варианта, но тут у меня есть задумка, кому это поручить.

Витька Сазонов, мой сосед по двору. Если я был фанатом танков, то Витька сходил с ума от огнестрельного оружия. Он даже после окончания ФЗУ уехал в Тулу, чтобы там поступить работать на Тульский оружейный завод. Помню я, как он сокрушался, что Сестрорецкий оружейный завод в 1922 году закрыли, вернее перестали делать там оружие и перепрофилировали его на производство инструмента. Вот кто мне РПД сделает, а то неохота ждать еще семь лет, пока Дегтярев его разработает. Правда, будет он не под промежуточный патрон 7,62x39, которого пока еще нет даже в планах, а под старый добрый 7,62x54. Кроме того, он мне еще и ППС-43 сварганит.

И ППС и РПД я прекрасно знаю, набросаю ему схемы, а вот все расчеты по ним он уже сам делать будет, да и ТТ он мне модернизирует. ТТ, конечно, пистолет очень неплохой и мощный, но зарядов мало и предохранителя нет, вот он мне это и исправит. Подключу к этому делу Павлова, под видом создания нового оружия для танков и вооружения их экипажей ручным оружием. Да и прицелы надо поручить делать ЛОМО, правда сейчас он называется ГОМЗ. Надеюсь, они смогут сделать качественные прицелы, ведь от них тоже многое зависит в бою.

Пожалуй, эти технические вопросы самые простые. А вот как быть с уставами и тактикой применения бронетехники? Я все же не танкист, а конструктор. Вот если бы я повоевал в танковых войсках, а так придется ориентироваться на свое послезнание из книг и фильмов, хотя... Постой, чего я туплю? Надо купить в военторге устав танковых войск. Не думаю, что это секретная документация, наверняка продается в военторге, и думаю, что его там может купить любой желающий. В крайнем случае предъявлю свое удостоверение воентехника. Внимательно прочитаю устав и выкину из него всю хрень, а вместо этого добавлю свои замечания. И главное, надо убрать любые упоминания о лобовых атаках без разведки, если, разумеется, они там есть. А то получается, что мчатся вперед не разбирая дороги, как стая озабоченных бабуинов, увидевших самку.

Потом надо созвать с десяток танкистов, что воевали в Испании, причем хорошо воевали, дать им на просмотр мой опус и уже вместе с ними пройти его еще раз. Так, пожалуй, можно значительно улучшить устав. Заодно перед этим дать им ознакомиться с предполагаемой новой техникой, чтобы они лучше ориентировались. И никаких лампасных дуболомов для обсуждения, эти кавалеристы насочиняют про лобовые атаки без разведки, в стиле Гражданской войны и конных лав.

О! А ведь можно еще разработать настольную игру вроде «Монополии», только военной. Компьютеров-то нет, и они еще не скоро появятся, а так можно будет командиров тренировать и учить. Делаем комплект из трех одинаковых карт, желательно не набум, а реальной местности, и разбиваем их на маленькие квадраты – своеобразные игровые поля. Одна карта синим, одна зеленым и одна для судьи-арбитра, и для каждого своя комната. Каждый из игроков видит только свои войска, и только судья – войска обоих игроков. В качестве фишек фигурки пехоты, артиллерии, танков, бронетехники и машин. Разные кубики для хода, даже кубик погоды для судьи. Он его кинет и скажет, какая погода в данный момент: дождь или засуха, или метель, от этого ведь тоже многое зависит.

А для игроков свои кубики. Допустим, кубик хода, то есть на сколько ходов можно ходить. Кубик разведки, то есть заметили разведчики противника или нет, а если и заметили,

то как сильно вскрыли его позиции. Допустим, ничего не заметили, и тогда на твоей карте ничего не отображается, или вскрыли все, и тогда на данном участке помощники судьи отображают все войска противника. Кубики артиллерии – как долго длится артподготовка и как результативно. И вот так для всех родов войск и составить таблицы соотношений с показателями выпавшего хода.

Это ведь получается аналог примитивнейшего игрового компьютера. На командно-штабных учениях данные будут братья не с потолка, а согласно выпавшим очкам хода. Думаю, это заинтересует наших военных и получит большую популярность. А что, это ведь как игра в солдатики, только по возможности максимально приближенная к реальности. Народ ведь любит соревноваться, выясняя, кто из них лучше, вот и будет тренировка для ума. Глядишь, так хоть чему-нибудь научатся и не будут потом в реальной обстановке переться напролом. Вот так строя планы на будущее, я незаметно для самого себя и заснул.

Доехал до Питера благополучно; пару раз сходил в туалет, каждый раз прихватывал вещмешок с собой. Геморрой... но куда деваться? А не то могут приделать моему вещмешку ноги: вагон плацкартный, ночь, все спят; что стоит проходя мимо просто подхватить его и пойти спокойно дальше.

Поезд прибыл на Московский вокзал утром. Я быстро добрался до своего дома, оставил вещмешок с формой, достав из него только кобуру с ТТ. Сейфа у меня дома нет, зато имеется пострел одиннадцати лет от роду, еще тот башибузук. И скажите мне, пожалуйста, на милость, что произойдет, когда эта ходячая катастрофа узнает о настоящем боевом оружии. И ведь никакие запреты и кары не помогут, а если, не дай бог, с ним что произойдет, то ведь до конца своей жизни себе не простишь. Так что лучше отвезу выданный ТТ на завод. Мне теперь свой сейф будет полагаться, как разработчику нового танка, для хранения теперь уже секретной документации. Так что найти в этом сейфе немного места для табельного оружия будет не проблема.

На завод я приехал уже в середине дня и первым делом направился к директору, так сказать, отчитаться о командировке.

– А, Новиков, Олег. Ну, проходи давай, рассказывай: как в Москву съездил? – произнес Казаков, стоило только мне появиться в его кабинете.

– Добрый день, Николай Степанович. Отлично съездил, встретился с товарищем Павловым, подробно с ним поговорил, обсудили с ним перспективы танкостроения. Он одобрил все мои задумки, а потом повез меня к самому товарищу Сталину! – Мне было совсем не трудно показать свое восхищение, и при этом я нисколько не лукавил: Сталина я действительно уважал и считал его лучшим правителем нашей страны за всю ее историю. – Он тоже меня расспрашивал о танках и другой бронетехнике.

– И?... Что с твоим проектом нового легкого танка?

– Одобрен. А кроме того, если я с ним справлюсь на отлично, то буду назначен советником по бронетехнике к товарищу Павлову, который, кстати, назначен теперь командующим танковыми войсками. А кроме того, я еще стану и куратором танкостроения. И напоследок, я теперь воентехник второго ранга. Сделаю свой танк и он пройдет приемку – стану воентехником первого ранга.

Казаков с немалым удивлением смотрел на своего работника. Он никак не ожидал, что тот станет таким, можно сказать, важным человеком. Сталин очень редко ошибался в людях, а стать советником комкора Павлова в данной ситуации без ведома и одобрения Сталина было попросту невозможно. Нет, надо определенно поддержать Новикова и создать ему наилучшие условия. Да еще это присвоение воинского звания. Несомненно, Новиков вошел в команду Павлова, а тот, судя по новой должности, явно в фаворе у Сталина.

– Значит, будешь собирать свое КБ? Кого возьмешь к себе?

– Буду, Николай Степанович. А возьму к себе молодняк: они тоже выделиться хотят, а кроме того, у них взгляд не зашорен. Я тут хочу кое-какие нововведения сделать, а старые конструкторы могут заартачиться: дескать, так не делают. Короче, будут палки в колеса вставлять, причем из самых лучших побуждений. Да и кроме того, кто я такой для них? Щегол пестро-жопый, только недавно пришедший на завод. И теперь они должны меня во всем слушаться? Короче, боюсь я, что проблемы с ними будут. Пока я себе авторитет не наработаю, слушать меня не будут. А тут такой же, как и я, молодняк.

– Хорошо. Помещение я тебе выделю: и тебе небольшой кабинет, и для твоих работников помещение рядом.

– Николай Степанович, мне еще сейф нужен.

– Это обязательно, все же документация будет секретная.

– Извините, можно я, пока у меня своего сейфа нет, подержу это в вашем? – С этими словами я достал из портфеля кобуру с ТТ.

– Это что? – уставился Казаков на кобуру.

– Да понимаете, выдали мне табельное оружие, типа положено. А где я его сейчас хранить буду? С собой везде таскать? Дома тоже нельзя хранить: у меня в моей комнате еще младший брат одиннадцати лет живет. Вы представляете, что может случиться, если он его поиграть возьмет в мое отсутствие? И ведь никакие запреты на него не подействуют. А вдруг он или сам случайно застрелится, или кого другого подстрелит. Я же нормально работать не смогу, как на иголках буду в ожидании в любой момент получить известие, что он что-то натворил с моим пистолетом.

– Ладно, – снисходительно произнес Казаков. – Давай его сюда. – При этом он повернулся к своему сейфу, который стоял рядом, и, достав ключи, открыл его. Я с огромным облегчением передал кобуру с пистолетом директору. Пускай у него полежит, пока я свой сейф не получу, а потом сразу и заберу его.

Что ж, эту проблему решили. Получу помещение, наберу ребят в КБ и приступлю к работе. Кроме того, надо будет и с Витькой Сазоновым встретиться, а для этого придется скатать в Тулу. А пока надо сходить еще на ГОМЗ и договориться с ними о выпуске новых прицелов к орудиям и, главное, к пулеметам. В самом крайнем случае на орудиях поставят стандартные прицелы, но лучше разработать новые четырехкратные, для повышения прицельной дальности, а то и двойные, с увеличением в 2 и в 4 раза, но это если получится.

Дел впереди много и надо торопиться, чтобы везде успеть. Война не за горами, причем не только Великая Отечественная. Через полтора года начнется конфликт на Халхин-Голе, и вот там можно будет испытать мои ЛТ-1 в боевых условиях. И я более чем уверен, что они с честью его выдержат. Т-43 и КВ к этому конфликту явно не успеют: они будут готовы где-то к 1940 году, как раз Финская война подоспеет. Но там их особо светить нежелательно, лучше всего вообще их там не использовать. Для обычных боев и мой ЛТ-1 подойдет, а для взлома линии Маннергейма использовать СУ-152, причем в ограниченном количестве, чтобы не спугнуть Гитлера. Война все равно неизбежна, так лучше пусть начнется, как было, чем история пойдет совсем другим путем, и дата нападения сместится, а оно все равно случится. Вот после нападения все изменения уже не страшны. Правда, это если я смогу добиться изменений в обучении армии, хотя бы в танковых и механизированных войсках.

Глава 6

Два дня пролетели в сплошных хлопотах. Принимал и обставлял выделенные мне помещения, благо кладовщик в этот раз выдавал все затребованное по первому слову: видимо, тоже услышал, что я был у самого товарища Сталина. Потом формировал свою группу. Наш молодняк, как услышал про формирование нового КБ для создания легкого танка, так и сделал стойку. До этого времени все мы, и я в том числе, пока не получил возможность создать свой танк, были типа «подай, принеси, пошел вон, не мешай». Нам скидывали всю самую нудную и неинтересную работу, расчет всякой мелочи и все предварительные расчеты. В новом КБ они могли выдвинуться, поймать свой шанс, вот с большой охотой и пошли ко мне, тем более мой пример был у них перед глазами. Я был таким же, как они, но сумел выдвинуться, вот и они хотели того же.

Дьявол кроется в мелочах, и я в этом убедился через два дня, когда в моем кабинете неожиданно зазвонил телефон. Я составлял план предстоящих работ, и тут звонок телефона. Снимаю трубку и говорю:

– Новиков у аппарата.

– Добрый день, товарищ Новиков, это вас Грабин беспокоит. Как вас по имени-отчеству звать?

– Просто Олег, Василий Гаврилович, я на отчество еще не заработал.

Грабина я знал, даже несколько раз видел в своей прошлой жизни, правда не общался: кто тогда был я и кто такой он, уже состоявшийся мэтр от артиллерии.

– Хорошо, просто Олег. Мне тут из ГАБТУ пришел заказ на создание нового танкового орудия, калибра 60 миллиметров. В качестве заказчика значитеесь вы, вот я вам и звоню для уточнения некоторых деталей.

– Что-то случилось, Василий Гаврилович?

– Пока ничего не случилось, но может случиться, и не у меня, а у вас. Скажите, Олег, вам принципиально на вашем танке иметь калибр ствола орудия именно в 60 миллиметров?

– Нет, не принципиально, а в чем дело? Мне просто нужен переходный калибр между 45 и 76 миллиметрами, среднее между ними как раз 60 миллиметров, и число круглое.

– Видите ли, Олег, разработать для вас орудие калибром в 60 миллиметров для меня не проблема. Особенно если, как мне сказали, можно просто уменьшить до этого калибра мою новую Ф-22. Проблема появится у вас, когда вы потом попытаетесь отдать это орудие в производство.

– Не понял, в чем проблема? Чертеж есть, орудие испытано и принято на вооружение, так в чем проблема с производством?

– В оборудовании, Олег, в оборудовании. Дело в том, что в основном все станки ориентированы на калибры не в миллиметрах, а линиях. Сейчас, насколько я знаю, простаивает оборудование для производства 57-миллиметровых стволов, так сказать наследие прошлого. Это от противоминных орудий, которые ставили на корабли флота, еще царского, там как раз были орудия калибра 47 и 57 миллиметров. Поэтому, если для вас калибр в 60 миллиметров не принципиален, то я настойчиво советую вам поменять его на калибр в 57 миллиметров. У вас с ним потом будет намного меньше проблем при производстве.

Вот те, бабушка, и Юрьев день. Я за все время своей работы как-то не касался проблем с вооружением, вернее с его заказом или разработкой, а всегда имел дело с уже утвержденными или сделанными орудиями и пулеметами, вот и не знал такого нюанса. Вроде бы мелочь, но она может качественно затормозить производство танков. А Грабин молодец, не стал тупо делать по заказу, не поленился лично позвонить заказчику и разъяснить, в какую задницу он может угодить с этим калибром.

– Знаете, Василий Гаврилович, раз вы советуете 57 миллиметров, значит пускай так и будет. В конце концов это ваша кухня, и вы в ней главный повар. Надеюсь, гильзу можно будет от вашей Ф-22 использовать? Или надо новую разрабатывать?

– Гильзу можно и от 76-миллиметрового снаряда взять, тут вы правы, меньше хлопот с новыми снарядами будет.

– Василий Гаврилович, мне тогда непонятно, почему в таком случае, когда переделывали немецкую «Рейнметалл», то ствол сделали 45, а не 47 миллиметров. Ведь тогда получается, проще было использовать старый морской калибр?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Да, чуть не забыл: а что за цилиндр с отверстиями вы хотите установить посередине ствола?

– Это, по идее, должен быть орудийный эжектор, который, по моим прикидкам, будет после выстрела за счет разницы в давлении выдувать из ствола пороховые газы.

– Думаете, будет работать?

– Надеюсь, но пока не попробуем, не узнаем. Вы можете сделать опытный экземпляр на каком-нибудь старом и списанном орудии? Если получится, то тогда ставить их на новые танковые орудия, а нет так нет.

– Хорошо, попробую, что получится, самому интересно стало. Тогда у меня все. Надеюсь через месяц-два дать вам опытный экземпляр.

– Спасибо, Василий Гаврилович, буду ждать. Без вашего орудия танк потеряет половину своей мощи.

Вот такой сюрприз-нежданчик, и кто бы мог подумать. А ведь кроме этого еще и другие мелочи есть. Я как раз одной такой мелочью и хотел заняться. Гусеницы и пальцы к ним – вроде бы самые простые детали, что в них такого? А тем не менее сколько мата они вызывали у наших танкистов. Беда пальцев была в том, что, во-первых, они часто ломались, а во-вторых, их надо было регулярно подбивать. А гусеницы? Они ведь соединялись пальцами между собой, а в места сочленений попадала грязь и действовала как абразив, в итоге срок эксплуатации гусениц был около 2000 километров. Это намного позже сделают резиновую опрессовку, которая в несколько раз продлит срок службы гусениц, но пока у нас с резиной туго, так что придется без нее. Да и сама форма гусениц... на БТ это вообще какие-то пластины.

Но главное – это, конечно, пальцы. Немного подшаманить с составом стали и методом ее закалки, и это позволит значительно повысить срок их службы, а небольшое изменение формы предотвратит самовыпадание. Вроде бы это мелочи, но они значительно облегчат службу нашим танкистам.

А система натяжения гусениц? На Т-34 для этого порой нужны были три человека и кувалда с матом, а уже на Т-44 – один человек и без кувалды и мата. Вот и надо еще прикинуть, как можно модернизировать танк, чтобы максимально облегчить экипажу работу с ним. Как-то не хочется мне постоянно икать, когда наши танкисты будут поминать меня таким незлым тихим словом.

Вот так в мелких заботах пролетел месяц. Даже оглянуться не успел – пришла пора снова ехать в Москву к Павлову. Как у главного конструктора нового проекта, никаких проблем с организацией командировки у меня не возникло, а потому, воспользовавшись служебным положением, я приехал на вокзал на нашей заводской «эмке». Снова поезд, и поездка теперь уже в купейном вагоне – расту, понимаешь.

На следующий день состоялась встреча с Павловым. Отдал ему свой опус из переработанного мной устава, теперь ждать, когда Павлов с ним ознакомится. После этого достал карты и фишки своей «Стратегии» – именно так я решил назвать свою игру. Карты – три комплекта разных мест – мне отпечатали в типографии, а стилизованные фишки и кубики сделали наши слесари. Разложил все на столе и объяснил общие правила игры. Павлов вначале посчитал это дурью, но когда я, расстелив на столе карту и наугад расположив на ней фишки, еще раз пока-

зал уже, скажем так, на натуре, то Павлов заинтересовался. В итоге он согласился со мной, что это будет вполне неплохой тренажер для штабных игр, максимально приближенный к реальным учениям. А кроме того, у нас состоялся, на мой взгляд, важный разговор, в том числе и о «Стратегии».

– Как тебе, Олег, в голову пришло сделать такую игру и почему ты считаешь, что она поможет в обучении командиров?

– Понимаете, Дмитрий Григорьевич, воюет не техника – воюют люди. Я знаю про нашу нынешнюю стратегию. Все же правильно, что Тухачевского расстреляли: он нам такую свинью подложил, что если мы не изменим принятые в армии его постулаты, то в случае войны кровью умоемся по самое не могу.

– Почему ты так считаешь?

– А его измышления, что нам нужна армада легких танков для преследования деморализованного противника. А почему он деморализован будет, кто его деморализует? Если наши бойцы, то тогда они должны день и ночь тренироваться и учиться. Вы знаете, что случится, если, к примеру, такой Тухачевский пошлет в атаку новейшие танки? Думаете, они всех победят? Дудки! Мы просто потеряем эти танки и другую технику, что будет вместе с ними. В таком случае пускай это лучше будут старые танки, чем новые.

– Да с чего ты решил, что мы все потеряем?! – повысил голос Павлов.

– Хорошо, вот послал он танки в атаку, а там и рады стараться. Пускай они успешно прорвали оборону противника и рванули вперед. И уйдут они ровно на расстояние, которое смогут проехать на одной заправке. Сейчас ведь никто не пошлет вместе с танками и заправщики с топливом, и грузовики со снарядами. А как только техника исчерпает запасы топлива, то она встанет. Да и боекомплект, думаю, в ходе марша тоже израсходуют, и окажутся они без топлива и снарядов среди противника. Сейчас ведь у нас нет взаимодействия родов войск, и танки рванут вперед одни, без пехоты, и так одни и окажутся в окружении противника, без топлива и боеприпасов. Танки даже сжечь или взорвать не получится, так как ни бензина на поджог, ни снарядов на подрыв не будет, и достанутся они противнику целыми и невредимыми. Он ведь не будет сидеть без дела, просто наблюдая за нашими действиями. Сам собой напрашивается фланговый удар в месте прорыва, чтобы перерезать образовавшийся коридор и оставить прорвавшиеся части без подкреплений и снабжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.